

Анатолий Рубцов

«Я ХОЖУ ПО РОДНОМУ ГОРОДУ...»

Благовещенск
Издательство «Платина»
2022

УДК 82-94
ББК 84.4
Р82

Рубцов Анатолий
Р82 «Я хожу по родному городу...»/ Анатолий Рубцов. —
Издательство «Платина», 2022. — 164 с.

Это ностальгическая попытка окунуться в прежний мир, где нужно было занимать очередь за редкой книжкой, где невозможно было попасть в кино про Тарзана, не отстояв несколько часов в большой толпе таких же жаждущих попасть на сеанс...

Это — низкий поклон родителям, определившим жизненную стезю...

И это — по большому счету — попытка разобраться в самом себе, в своем становлении на фоне послевоенного исторического периода страны.

УДК 82-94
ББК 84.4

© А. Рубцов
© Издание. Оформление. ООО «Платина», 2022

Размышления ворчуна

История, как вы знаете — это наука, исследующая и изучающая прошлое, реальные события давних времен, короче, это то, что было. И чтобы создать полноценную картину дней минувших, объективно донести все факты до современников и до тех, кому суждено жить через сотни лет, создать портрет прошлого — нужны документы, нужны свидетельства. Любое событие в истории, не подтвержденное документами — это или легенда, или миф. Тому учит историческая наука.

Все наше прошлое — это мозаичная картина че-

ловеческого мироздания. К сожалению, в ней зияют огромные пустоты. И чем глубже погружаешься в историю, тем полнее осознаешь, что этих пустот все больше, потому что не хватает документов. Их и пытаются заменить мифами и легендами, но такой подход к истории — не более, чем искажение истины.

Лично я считаю, что к разновидности документа можно отнести и воспоминания обычных людей, в самом хорошем смысле этого слова — обывателей. Да, они больше наполнены эмоциями, душевными переживаниями, субъективной оценкой событий, они больше относятся не к концептуальной истории, а к наполнению этой концепции деталями, — но это и делает историю более полной, более объемной: в живых воспоминаниях чаще встречаются элементы быта, в них рассказывается о ежедневных заботах, привычках, традициях, радостях и огорчениях. Все это и есть жизнь, что и оживляет историю.

События прошлого года и начало нынешнего унесли из жизни многих людей моего поколения. Значительно сузился круг тех, кому можно позвонить, перекинуться хотя бы несколькими словами, несколькими фразами, главной среди которых была бы: «А помнишь?».

Уходит эпоха предвоенного и послевоенного времени. Она и уносит все, что сопровождало меня

и моих друзей в нашей жизни, все то, чем жизнь эта была наполнена.

Приходят другие люди. Многие из них даже не догадываются, как жили, как проводили время, чем увлекались те, кто ходил по улицам города до них. Мы дошли до стадии, когда в семье только бабушку с дедушкой и помнят, а спроси, чем занимались их предки в 18-м веке (да что там в 18-м веке?! Хотя бы несколько десятков лет назад!) — вопрос воспримут, как шутку. Ох, не случайно родилась поговорка про Иванов, не помнящих родства, не случайно!

И вот, исходя из всего вышесказанного, с грустью размышляя о том, что молодость чаще ленива, чем любопытна, я решил поделиться воспоминаниями о своем прошлом, неразрывно связанным с нашим родным городом — Благовещенском. Причем, больше обращая внимания на мелочи, свойственные той эпохе, которые растаяли в дымке времени.

Наши дворовые игры

Благовещенск. Прогуливаясь сегодня по городу, я невольно думаю: как бы удивились наши родители, оказались здесь в наше время. Они бы его не узнали. Ежедневно появляются новые объекты, новые жилые дома-многоэтажки! Родители же проживали тогда, когда десятилетиями в городе не появлялось никаких новых строений.

К началу XX века в Благовещенске построили несколько знаковых зданий, ставшими затем памятниками архитектуры — это нынешние областной музей, Центр эстетического воспитания, театр драмы, некоторые учебные заведения и магазины. А затем на долгие годы в строительстве наступил застой. Если что и возводилось, так это только деревянные

Улица Ленина. г. Благовещенск, 1959 год

дома, которые люди строили для себя. Город был тихий, патриархальный, одноэтажный — классическая провинция. Со стороны посмотреть, так казалось, что ничего здесь не происходило. Но это со стороны.

На самом же деле настоящая жизнь происходит внутри человека. Это его движение к поставленной цели, его переживания, эмоции; это прочитанные книги и просмотренные фильмы, это взаимоотношения с товарищами... И все это наполняло нас, его жителей, развивало и делало жизнь наполненной.

Как ни парадоксально, но сейчас, когда в одном доме проживает большое количество ребят, такого общения между ними, как в прежние годы — нет. А тогда — в конце 50-х, начале 60-х — город среди па-

Перекресток улиц Кузнечной и Амурской. г. Благовещенск, 1960 г.

цанов был разделен на зоны по месту проживания. В такую зону могло входить 3—4 квартала. Ребятни на этих кварталах было множество. И все друг друга знали. На квартале царила своеобразная семейная атмосфера. Случались, конечно, и обиды, и потасовки — дрались даже квартал на квартал — но это не переходило во вражду, скорее, просто мерялись силами. В таких кварталах старшие ребята опекали младших. К примеру, читать и играть в шахматы меня научили Валерка Елифанцев и Валерка Медведев. И на Амур мы отправлялись всей гурьбой, и плавать нас тоже учили те, кто постарше.

Думаю, нашему поколению очень повезло, что в наших домах не то, что компьютеров не было, — не было даже телевизоров! Эти устройства, как магнит, притянули нынешнюю пацанву к стулу и закрепили её на нём. Мы же большую часть свободного времени проводили на улице. Во что мы только не играли! Попробую перечислить.

«Лапта». Играли мы в нее преимущественно весной, когда сошел снег, но еще не начались огородные работы. Огороды у каждого дома были большие и заборами не огораживались. И вот соприкасающиеся огороды создавали такую площадку, что годилась для игры в лапту. Мне, кстати, до сих пор не понятно, почему хозяева огородов нас не прогоняли.

При игре нужно было ударом биты послать мяч в поле, перебежать его до противоположной сторо-

ны и вернуться обратно, да чтоб противник не «осалил» тебя мячом. Для этой игры нужны были сноровка, хорошая «дыхалка», меткий глаз... Впрочем, это требовалось для всех дворовых игр.

«Бей—бегй». Разновидность лапты. Если в лапту играют команда на команду, то в бей-бегй каждый за себя. И если в лапте после удара битой по мячу не обязательно бежать через поле, а можно было «сачкануть», отойти в «городок» и ждать удачного удара для перебежки, то в этой игре после удара надо сразу бежать.

«Воробей, бери да бей!» Играющие загадывали себе название птицы и говорили ее на ушко ведущему. Ведущий, держа на коленях шапку, крутил в ней мячик и что-то бормотал. Вдруг вскрикивал: «Зяблик, бери да бей!» Все, кто не «зяблик», кидались врассыпную, а «зяблик» хватал мячик и кричал: «Стоять!» Все замирали. Он должен был, бросив мячик, в кого-нибудь попасть. Тот, в кого попали, тоже кричал: «Стоять!» и уже он пытался попасть в играющих. Промазавший садился водить.

«Выжигала». Очерчивалась площадка, внутри которой находились игроки. Снаружи—4 человека, которые должны попасть мячиком в игрока внутри площадки. Попал—меняются местами. Если же игрок внутри ловил мячик, он получал бонусное очко, то есть, если в него потом попадали, он не выходил. Впрочем, в каждом дворе существовали вариации правил.

«Отмеряла». Чертится на земле черта. От нее все прыгают в длину с места. Последний, ближе всех прыгнувший, становится на этой черте, согнувшись. А тот, кто дальше всех прыгнул, задает норму. Все прыгают через стоящего, как через гимнастического козла. Последним прыгает «нормировщик» и на то место, где он приземлился перемещается согнувшийся. А «нормировщик», оценивая расстояние от черты до согнувшегося, задает норму, к примеру: «Без одного». Это значит, что согнувшегося надо перепрыгнуть одним прыжком, оттолкнувшись от черты. Если говорится, что «с одним», то за чертой можно еще сделать шаг. Кто ошибся — заменяет согнувшегося.

«Чехарда». Играющие делятся на две команды. По жребию одна команда становится, согнувшись, сцепившись один за другого. Другая команда должна с разбегу заскочить на них с «хвоста», но так, чтобы никто не свалился. Для этого первые должны прыгнуть как можно дальше от «хвоста», чтобы все уместились. Если все уместились, нижние должны прокатить наездников до условленного места. Если сверху кто-то свалился — команды меняются местами.

«Заколдованные догонялки». Две команды. Игроки одной бегают за игроками другой и когда коснутся кого рукой, тот замирает (он заколдован). Но его можно расколдовать, если свой его коснется рукой.

«Городки». Ну, тут все понятно. Играли по взрос-

лым правилам, только самодельными битами, которыми и выбивали из начерченных на земле квадратов различные фигуры. А какие у этих фигур названия: «Пулеметное гнездо» (она же «Баба в окне»), «Пушка», «Коленчатый вал» ... Каково? Очень азартная игра! Вы не пробовали? Эх, в нынешнем дворе вам это и не удастся: автомобилисты быстро прекратят ваши начинания!

«Чижику». Мне сейчас трудно описать эту игру. В более поздние времена «Чижику» трансформировался в «Пекаря». Это жестяная банка на кирпиче, у игроков палки. Одна команда пытается эту банку сбить, другая защитит.

«Зоска». Зоска — это маленький плоский кусочек свинца (1 на 1 см.). В нем делались две дырочки и к нему крепился кусочек овчины. Получался пушистый и в меру тяжелый предмет — это и есть зоска. И его надо было бить внутренней стороны стопы, не давая упасть на землю. Кто больше. Некоторые могли чеканить бесконечно. Особенно удобно было тем, кто в валенках: и площадь больше, и косточке на ступне не больно.

Младшая ребятня любила играть в «войнушку». Делились на две команды, разбегались по дворам и огородам. Как увидел «врага» — «пиф-паф!» — и «враг» убит. Оружие мастерили кто во что горазд: прибил поперек одной палки другую — вот тебе и автомат! Это была игра для ребят в возрасте от 5 до

12 лет. А те, кто постарше — играли в «Казачи-разбойники». Тоже две команды. Одни казаки, другие разбойники. Разбойники разбежались и прятались по дворам. Дворы были застроены сараями, стайками и еще непонятно чем. Вот там и прятались. Хозяева к этому относились терпимо, потому что в каждой семье были свои мальчишки. Задача казаков была обнаружить разбойника и побороть его, положить на лопатки. Тогда он выбывал из игры. А если казак оказывался на лопатках, то все равно оставался в игре. Иногда игра, начавшись часов в 11 дня, заканчивалась уже затемно.

«Прятки». В прятки хорошо было играть, когда стемнеет, чтобы не сразу узнать кого увидел жмурившийся. Того, кто будет жмуриться, определяли считалкой. Например, такой: «Цока ты мока ты бе. Абен, фабен, кумане. Ики, пики, романтики. Ин, клин, вышел один». Что означает этот набор непонятных слов — никто никогда не узнает! Но как это завораживало, притягивало некоей таинственностью!

А то вот еще, уже хрестоматийное: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кем ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей». На ком считалочка заканчивалась, тот называл кого-то из перечисленных. Считалка начиналась снова и на кого выпадало названное, тот шел жмуриться. Какие еще помню: «Из-под печки две дощечки,

хлоп-хлоп, вышел поп». Понятно, «жмуриться», шел «поп». Или еще: «Эники, бэники ели вареники, эники, бэники клосс — вышел пузатый матрос». Тот, кому выпало жмуриться, утыкался мордахой в забор и считал до 20—30 (как договорятся). А заканчивал свои жмурки словами: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался — я не виноват. Кто передо мной стоит, тот в огне горит». Эти слова предназначались для того, кто решил взять внезапно, чтоб сразу «застучаться», как только жмурящийся откроет глаза. А вот после произнесенных слов, он сам будет считаться застуканным.

Были игры с землей — куча разновидностей игры в «Ножички». Чертился на земле круг и делился на две половины. Играют двое. Первый бросает нож в землю, в чужую половину. Если нож воткнулся, чертят черту, отрезая часть земли противника и приращивая ее к своей. Опять кидает. Не воткнулся нож — кидает противник. И так до тех пор, пока кто-то не заберет всю землю.

Или, еще одна игра: рыхлится земля и перочинным ножичком нужно исполнить десять усложняющихся упражнений, при этом, нож должен обязательно воткнуться в землю.

Особенностью того времени была игра на деньги. На них играли и в лото, и в карты, но я совсем о других играх. Это было какое-то массовое помешательство. Существовало четыре основных разновидности игры.

«В пристенок». Для этой игры удобно играть тяжелой монетой. Поэтому в ходу были царские пятаки, советские полтинники и медали участников войны. У медали срезалось ушко — и орудие труда готово. По очереди ребром монеты ударялось о забор так, чтобы она улетела как можно дальше. Цель игры: чтобы твоя монета после удара легла рядом с чужой монетой таким образом, чтобы их можно было накрыть одновременно большим и безымянным пальцами. Это 5 копеек дохода. Если твоя монета ударялась о чужую монету — это уже 10 копеек. А если покрывала ее — 15 копеек. Все заборы того времени были в насечках от монет. На некоторых до сих пор эти следы сохранились.

«Банчок». Рисуетя на земле квадратик, примерно 10 на 10 сантиметров (или ставится банка), а дальше тот же пристенок, только проигравший отдает пятак не победителю, а кладет в банчок. Забирает весь выигрыш тот, кто попадет в банчок.

«В накидку». У каждого играющего имеется плоский кусочек железа (5 на 5 см.) и его по очереди кидают. И дальше, как в пристенок: нужно так кинуть свою плашку, чтобы можно было дотянуться до другой.

«Биток». Проводится на земле черта. Метрах в пяти — десяти чертится другая. От нее играющие кидают биток к первой черте. Кому удастся подбросить биток к черте ближе, чем другим — тот и

начинает потом метать по столбику пятак, установленному на первой черте «решками» вверх. И от второй черты мечут биток, стараясь попасть в этот столбик. Биток нередко делали из свинца, но годился и шарикоподшипник. Шиком считалось попасть битком прямо в сам столбик монет. Смысл игры заключался в том, чтобы, ударяя битком по монете, перевернуть ее на «орла». Из-за этой игры в то время встречалось много гнутых монет.

Все игры были подвижные, но одна игра была сидячая. Называлась «Испорченный телефон». Садятся рядочком на каком-нибудь бревне человек пятнадцать. Первый шепотом на ухо второму говорит какое-то слово. Тот далее. А последний озвучивает его. Редко какое слово не исказится.

Дети в те времена много передвигались (ходили в сопки за пульками — там было стрельбище, можно было набить карманы блестящими гильзами; за орехами — иногда удавалось набить лещиной целый солдатский вещмешок; за Зею за диким луком — ох, и объедение! Особенно, если захватил из дому краюху хлеба и щепоть соли) — и везде ходили только пешкарем! И чтобы не скучно было в пути, играли в разговорные игры. В «Осла», например. Называлось слово, следующий должен был придумать слово на букву, на которое оканчивалось предыдущее и т.д. Не придумал — получаешь первую букву от «Осла».

Была у этой игры и разновидность. Называется

буква. Следующий должен назвать свою букву, но, если его спросят, что за слово имеется в виду, он должен назвать это слово полностью. А то находились хитрецы, старавшиеся запутать всех несуществующим словом.

Еще было много шуточных игр. Например, заключали договор (спорили) на «Замри». Если тебе сказали: «Замри», ты должен был застыть до команды «Отомри».

«Генерал идет». Также по договору. Когда тебе скажут: «Генерал идет», ты должен тотчас отдать честь, как военный. Старались подловить напарника при встрече с девушкой или старушкой.

«Зелень». «Ни рвать, ни щипать вашу зелень показать». Тоже на спор. Нужно было всегда иметь при себе что-то зеленое. Некоторые зеленый лоскутик пришивали прямо к рубашке. Или натирали зеленой травой свои штаны.

Когда видели летящих ворон, кричали: «Мои деньги, мои деньги!» Найденную монетку швыряли в сторону солнца, приговаривая: «На хорошую погоду».

Я рассказал о некоторых играх, которые бытовали в нашей округе. Хотя видел в других местах, что играли в другие, мне не знакомые. При этом, я больше рассказал про мальчишеские забавы. Хотя на квартале и девчат было немало. Они играли в «Классики», прыгали через веревочку, играли мячиком, ударяя его о стенку и меняясь местами. Навер-

ное, были у них и какие-то другие игры. Но, скажу, девчонки часто играли вместе с нами в почти всё вышеназванное.

Я рассказал о том, во что играли дети тех лет как у себя во дворах, так и на переменах в школах. Но это были игры второго плана. Главной же игрой для нас был футбол. Но он требует отдельной главки.

Вихри футбольных атак

В те далекие 50—60-е годы все дети без исключения были спортсменами. Даже дети-инвалиды. Мы у себя на квартале проводили первенство по шахматам, по шашкам и даже — не поверите! — по картам. Хотя игра в карты осуждалась, я до сих пор не пойму — почему. Все эти игры развивали мышление, сообразительность, память.

Однако, самым притягательным видом спорта у мальчишек был, конечно же, футбол. Конечно, и сейчас порой дети на улице играют в него, но, как говаривал великий Аркадий Райкин: «Не то...».

Первая особенность того уличного футбола — это мяч, которым играли. О настоящем футбольном мяче мы и мечтать не могли. Играли всем тем, что можно было пнуть. Иногда самым дешевым, самым маленьким резиновым мячиком из магазинного отдела для детей. Порой он выглядел не больше теннисного шарика. Ну, а когда отец привозил из Москвы большой резиновый двухцветный мяч в сеточке, то восторгу не было предела у пацанов всего квартала. А играли босиком, потому что летом тогда дети обувь, считай, и не носили. Потому и пальцы на ногах были вечно сбитые.

Вторая особенность — это футбольное поле. Играли на любых площадках, любого размера, благо тогда их было достаточно. Встречались и такие, на которых одновременно проходило сразу

несколько футбольных сражений. В распоряжении нашего квартала таковых насчитывалось две. Это большие пустынные площади «Крестьянская» (квадрат, ограниченный улицами Мастерской—сейчас Шевченко, Торговой—сейчас Хмельницкого, Октябрьской и Крестьянской—ныне Красноармейская) и площадь «Буденного». Именно так ее называли, потому что с одной стороны ее ограничивала улица им. Буденного. На ней еще стояла парашютная вышка, а сейчас здесь комплекс зданий областной детской больницы.

Но, как ни странно, больше всего играли прямо на дороге улицы Пионерской, между Северной и Октябрьской. Штанги—это кирпичи, а поле—все пространство улицы, включая сточные канавы. Особенно много споров возникало, когда после удара мяч пролетал над кирпичом. Атакующая команда кричала во все горло: «Гол!», а соперник пытался доказать, что они промазали, что они—«мазиль». А попробуй, докажи, что мяч пролетел мимо, что он попал в условную штангу!

Время от времени игру прерывало движение лошадиной повозки или автомобиля.

Третья особенность—это массовость. Играть обычно начинали часов в пять самые маленькие, вернувшись с Амура. Потом их сменяли ребята постарше, а уже к вечеру выходили парни, а с ними нередко и взрослые дяди.

Ребятни было полным-полно и команды форми-

ровались так: двое самых сильных (то есть, повзрослее, посноровистей, поопытней) определялись как капитаны команд. Чаще всего это были Юрка Никитин и Валерка Кравченко. Остальные делились на равноценные пары и каждый загадывал себе «нику» — один — «дуб», второй — «береза». Подходили к капитанам и те, не зная, что загадали пацаны, называли свою версию. Понятно, «дуб» шел к одному, «береза» — ко второму. Это что касается внутриквартальных баталий.

Но и регулярно играли квартал на квартал. Это были матчи более серьезного уровня. Все игры проходили без судей, спорные моменты улаживали самостоятельно. Дворы были тогда маленькие, ибо и дома были маленькие, а улица принимала всех и всем хватало на ней места.

Хотел сначала написать, что наш футбол выглядел неорганизованной игрой, но вовремя понял, что такое определение окажется неправильным. Это было организованное самоуправление. Без взрослых мы решали все свои проблемы: форма, мячи, когда и с кем играть... Форма у всех уличных команд была одинаковая — обыкновенные майки-безрукавки. Определяли цвет формы, покупали краситель и создавали единую форму.

В середине пятидесятых годов в ГПКО (городской парк культуры и отдыха) проводилось первенство города среди дворовых команд. Они раз-

делялись на две возрастные группы. Да-да, тогда в горпарке находилось футбольное поле, за забором которого располагались пограничники. Сейчас на этом месте Дом губернатора.

Наша команда называлась «Север» (от улицы Северная). Мы играли в старшей возрастной группе. В команде все ребята были старше меня, и, хотя я и числился запасным, все равно считался полноценным игроком. Не помню точно какие места занимала наша команда, но то, что она находилась в числе фаворитов — однозначно. Потом поле в парке ликвидировали и соревнования, понятно, прекратились.

Но в 1959 году подобные соревнования возродил «Детский стадион» — сейчас это стадион «Юность».

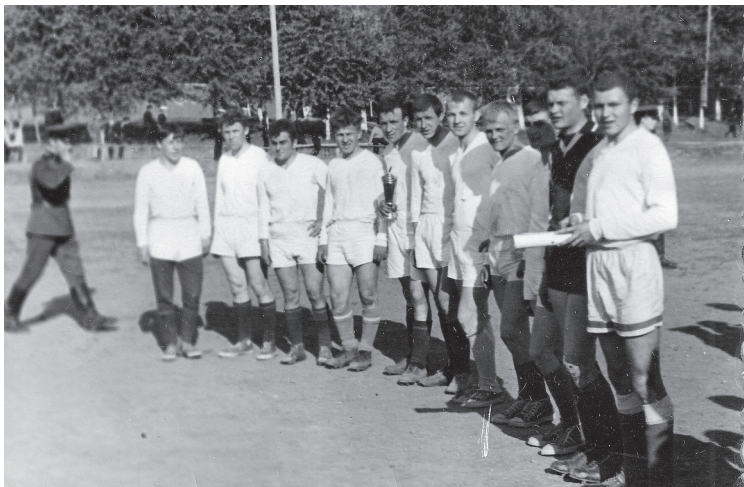
Команда «Север» — победитель первенства города по футболу среди дворовых команд. Слева направо: А Щербинин, В. Кравченко, В. Тищенко, И. Костюченко, Г. Донич, Ф. Асакалов, Ю. Никитин, А. Рубцов, Ю. Наделяев, Ю. Косицин, Г. Куприяновский, А. Асакалов. г. Благовещенск, 1959 г.

Наш «Север» одним из первых подал заявку на участие и довольно уверенно выиграл турнир. Сейчас из той команды, что играла в парке, я остался один. Я смотрю на фотографию ребят и испытываю двойственные чувства: грусть от того, что пролетела наша жизнь, и гордость, что страница из книги детства, написанная нами, несомненно, эту книгу украсила.

Вот они чемпионы города среди дворовых команд 1959 года: Алексей Щербинин, Валерий Кравченко, Вадим Тищенко, Иван Костюченко, Геннадий Донич, Федя и Саша Асакаловы, Юра Никитин, Юра Надеяев, Юра Косицын, Гена Куприяновский, ну и я, ваш сегодняшний летописец. Судьба у всех сложилась по-разному, кто-то играл в юношеском «Амуре» (а я даже был капитаном в той команде), Саша Асакалов целый год играл за взрослый «Амур», а вот Леша Щербинин основным игроком «Амура» был много лет, сыграл 274 матча и забил 17 голов.

Любимой взрослой командой, наверное, у всех пацанов города была команда «Динамо». Так же назывался и стадион, где проходили игры. Когда команда тренировалась, и игроки били по воротам, за пролетевшими мимо мячами шла настоящая охота. Пацаны располагались за воротами и каждому хотелось завладеть улетевшим в сторону мячом и выбить его в поле.

В те времена среди болельщиков ходило немало

*Рубцов А. (1-й справа) — капитан армейской футбольной команды «Дон».
пос. Раздольное Приморского края, 1966 г.*

всяческих легенд о самой игре и о футболистах, и все эти легенды претендовали на истину. То рассказывали о каком-то футболисте, у которого на ноге была красная повязка и этой ногой ему запрещалось бить, ибо удар мог убить человека. То говорили, что в какой-то команде был непробиваемый вратарь, который ловил все мячи и вратарем этим была... обезьяна! Все эти рассказы только подтверждали популярность футбола.

Для пацанов покупать входные билеты считалось зазорным. В те времена проникнуть на стадион не представляло труда. Стадион—это 4 квартала во все стороны, огороженные забором. А кто из пацанов не умел лазить по заборам? Главное—попасть

именно на стадион, а уже доступ к трибунам был свободным. Случалось, что перед ответственными матчами задача проникновения усложнялась: вдоль заборов стадиона гарцевала конная милиция. Приходилось разрабатывать тактические схемы: провоцировали проникновение на стадион в определенном месте, и когда милиция скакала туда, в другом месте и перелезали.

Среди болельщиков было принято проносить на стадион голубей, и когда твоя команда забивала гол, голубей подкидывали вверх. Ну и почти на каждый матч брали цветы и вручали их перед игрой команде, а команда, в знак благодарности, кидала их на трибуну зрителям.

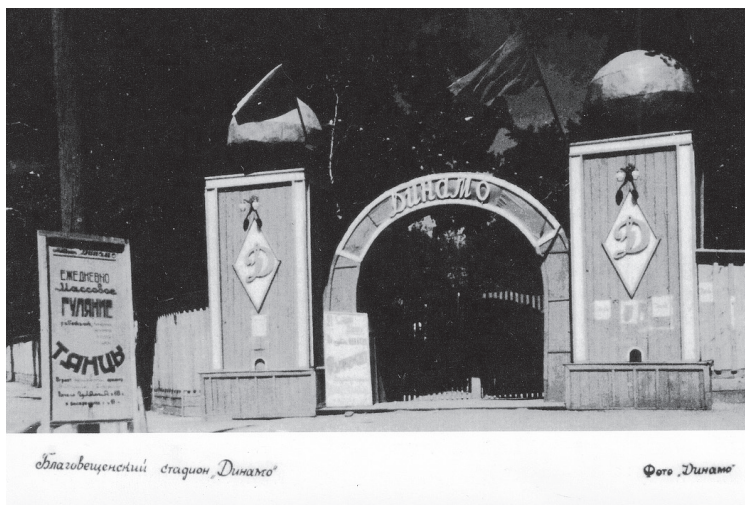
В 1960 году в городе появилась команда «Амур». Это был уже полупрофессиональный клуб. Игроки занимались только футболом, числясь при этом на разных предприятиях города на разных должностях.

К этому времени поменялась инфраструктура футбола. Появилось немало взрослых команд: «Амурский металлист», «Строитель», «Полиграфист» и другие. Взрослые команды набирали юношеские коллективы и таким образом разобрали весь самоуправяемый футбол. Там уже были регулярные тренировки и гонять мяч по дороге не было никакого интереса.

Я был принят в команду юношей «Амура». Начались соревнования на первенство города, области.

Но главное — зональные соревнования. Белогорск, Биробиджан, Хабаровск — многие из нас впервые побывали за пределами своего города. И это было очень интересно.

Так мы выходили из детского уличного футбола и так заканчивался сам уличный футбол.

Центральный вход на стадион «Динамо». г. Благовещенск, 1956 г.

В городском саду...

Стадион «Динамо» во времена моих детства и юности считался в городе одним из центров общественно-культурной жизни, не угасавшей круглый год. Это был и стадион, и парк отдыха одновременно. Не случайно те, кто приходил сюда на танцы, называли его «Сад «Динамо»».

На стадионе насчитывалось несколько точек притяжения. Первая — спортивная. На баскетбольных площадках (их было две) и на волейбольных (тоже две) стук мячей не смолкал ни на один день. А молодежная женская волейбольная команда была одной из сильнейших в Союзе, ее и называли в СССР «Амурский тайфун».

Ближе к вечеру начинала грохотать городошная площадка. Легкоатлетический сектор тоже не знал простоя. Состязания проходили все лето. Осталось в памяти даже несколько фамилий тех легкоатлетов: В. Шкап, В. Нестерова, В. Колесов, Н. Крякина. В те годы в городе еще жили ссыльные прибалты и среди них было немало сильных прыгунов в длину. Наблюдать за ними было сплошным удовольствием! Кажалось, что, оттолкнувшись от земли, они превращались на мгновение в птицу!

Ну и, конечно, футбол. «Динамо» — «милая наша команда, первая наша любовь». Мы любили всех ее бойцов самозабвенно, начиная от прыгучего и

по-кошачьи гибкого вратаря А. Киреева, до левого крайнего — маленького и быстрого В. Ядыкина. Это было время романтического футбола, когда забитый гол отмечался выпущенной в небо стайей голубей, а победителю после матча болельщики вручали букет цветов.

Поздней осенью стадион начинали заполнять, готовясь к своему сезону, конькобежцы и лыжники, меньше становилось соревнований, пустели площадки. И вот со стуком шайбы о борт хоккейной коробки начинался зимний сезон. Сердце заходило на матчах между командами «Речное училище», ведомой хитрым, умным и расчетливым Равилем Иртугановым и «Мелькомбинат», где солировал беспшабашный, азартный и отличный дриблер Юрий Иванцов. Сборная Амурской области (а в ее составе были игроки только этих двух клубов) тоже находилась в числе сильнейших на Дальнем Востоке.

Главным же центром притяжения считался каток. Массовое катание — это ли не настоящее явление?! Здесь назначались свидания и деловые встречи, здесь встречались, влюблялись и дорожили общением. Каток был переполнен все дни. До сих пор во мне звучит мелодия тех лет: «Вьется легкий вечерний снежок, голубые мерцают огни и звенит под ногами каток» ...

Зимний сезон незаметно переходил в летний, и все это походило на непрерывную эстафету.

Летом, конечно, к себе притягивала танцевальная площадка. Вечерами сад «Динамо» заполнялся желающей потанцевать публикой. Играл духовой оркестр. Лично мне танцы запомнились песней, звучавшей из динамика (пластинками заполняли паузы, когда оркестр отдыхал): «В городском саду играет духовой оркестр, на скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест...».

По аллеям гуляли парочки, на скамейках сидели компании, брэнчали гитары. Для любителей кия и шаров работала бильярдная, не пустовал на стадионе и буфет.

Еще одной точкой сосредоточения людей была специально оборудованная площадка. На ней были

Кинотеатр «Победа». г. Благовещенск, конец 1960-х

вкопаны столы — один большой и несколько поменьше. К вечеру на большой стол выкладывались подшивки газет и журналов, шахматы и пашки. А меньшие столики оккупировали доминошники. Скамейки у столов были плотно заняты. Площадка была освещена и расходились любители домино далеко за полночь, чтобы следующим вечером собраться вновь — «забить козла», — так в народе говорили об игре в домино.

Здесь, в саду, всегда царила атмосфера тепла, общности и почти домашнего уюта, и все чувствовали себя одной большой семьей. Он располагался в густом окружении тополей, да и внутри него было много зеленых насаждений, среди ко-

Дворовая футбольная команда улиц Северная-Пионерская на стадионе «Динамо». Верхний ряд: А. Щербинин, Ф. Асакалов, А. Асакалов, Г. Куприяновский, Х-гость из деревни. Нижний ряд: Ю. Косицын, В. Рубцов, А. Рубцов. г. Благовещенск, 1960 г.

торых стояли статуи, изображающие самых разных спортсменов.

Мы, проживающие бок о бок со стадионом и дышащие с ним в унисон, считали его продолжением наших придомовых дворов.

И спустя много лет я осознаю, что все мы — и спортсмены, и танцующие, и доминошники — все мы были тогда не отдельными личностями, мы были представителями эпохи — эпохи 50-х и 60-х годов XX века.

Сейчас стадион изменился до неузнаваемости. Сегодня он совсем другой... И названий у него сменилось несколько после «Динамо»: «Труд», «Строитель», «Спартак». И когда я прохожу мимо стадиона «Спартак», то мысленно окунаюсь в свое прошлое и невольно мурлычу: «Это было недавно, это было давно...»

Кино нашего детства

Рассказывая о культурных мероприятиях 1950—1960-х годов, в числе первых назову кино. Не погрешу против истины, заявив, что в те далекие времена его любили все. Не случайно в каждом культурчреждении на самом видном месте висел плакат с высказыванием В.И. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино».

В Благовещенске сначала было два кинотеатра—«Октябрь» и «Победа». Но фильмы показывали также и в клубах, в городских парках, в Доме пионеров и в школах. В дни больших праздников их крутили прямо на улице. На грузовой машине опускались борта, устанавливался экран, а напротив экрана на земле ставили кинопроектор. Народу вокруг собиралось—яблоку негде упасть.

Особой романтикой у нас, пацанов, считалось ходить по вечерам смотреть кино к солдатам в войсковую часть. Экран там летом стоял на улице, и нас пускали беспрепятственно. А идти нужно было через кладбище, что на улице Северной. Туда-то еще ничего, а обратно—около полуночи, да под разговоры про кладбищенские ужастики, да еще кто-нибудь вдруг заблажит, заорет дурным голосом. Хохма-то хохмой, а по спине—мурашки... Та еще романтика!

Главным кинотеатром считался «Октябрь». Зрителей он привечал буфетом, газетным киоском, обилием

Кинотеатр «Октябрь». г. Благовещенск, 1958 г.

фотографий артистов и кадров из будущих фильмов. Мы любили, придя пораньше, полистать выложенные на столе подшивки журналов — того же «Советского экрана». Там можно было просто посидеть, отдохнуть, места хватало всем.

Позже в фойе до начала основного сеанса стали крутить короткометражки. Кроме всякой скучнятины, скажем, о пользе зарядки или про правильное ухаживание за домашними цветами, можно было увидеть и что-нибудь совершенно изумительное — «Пёс Барбос и необычайный кросс», например.

Стены фойе украшали большие картины. Как сейчас помню от пола до потолка полотно, на котором изобразили Сталина в светлой одежде, с трубкой в руке, а за ним — члены правительства на

Кинотеатр «Амур». г. Благовещенск. 1960 г.

палубе крейсера «Молотов».

Кинотеатр «Победа» был попроще, деревянный, но с тем же набором услуг. Потом появился «Амур», следом малюсенькая «сороконожка» («40 лет ВЛКСМ»), затем — уже в 70-е — «Зея».

До перестройки в Благовещенске насчитывалось более 20 площадок для показа кино. Даже не все старожилы сейчас вспомнят названия всех кинотеатров: «Дружба», «Волна», «Микрон», «Тополек». Хорошие залы были в ДК «Речник», в ДОСА (два зала), в Доме молодежи.

Большинство модных песен тогда шагнуло в жизнь именно из кино. В фильмах их пели сами артисты. Потом эти песни начинали исполнять уже эстрадные певцы, ну, а за ними и весь народ.

Зачастую люди и к классической литературе, и к музыке приобщались через кино. Большинство только через экран и познакомились с опереттами «Сильва» и «Принцесса цирка» Кальмана, «Холопка» Стрельникова. Многие из нас познавали шедевры мировой литературы в кинозалах, так и не прочитав самих книг. «Отелло» и «Гамлет» Шекспира, «Дон Кихот» Сервантеса, «Три мушкетера» Дюма, «Красное и черное» Стендаля, «Идиот» Достоевского, «Дама с собачкой» Чехова, «Бег» Булгакова, «Белеет парус одинокий» Катаева и много других прекрасных экранизаций обогатили духовный мир зрителей советского времени.

А бесподобные наши мультфильмы — философски-мудрые, интеллигентно-ироничные и бесконечно добрые!

Всех фильмов и не упомнишь, но периодически появлялись шедевры, которые публику буквально сводили с ума. Они имели какое-то магическое воздействие на зрителей. На них ходили по несколько раз, реплики оттуда входили в обиход текущей жизни. Того же «Чапаева» я смотрел не менее 20 раз, и не я один был такой.

Первым фильмом, вызвавшим зрительский ажиотаж, на моей памяти был четырехсерийный «Тарзан». Назовите мне хоть одного мальчишку, который не пытался бы потом, после просмотра у себя во дворе изобразить мускулистого героя!

Конечно, в кинотеатры было не протолкнуться! На

детские сеансы билеты продавали без указания места. Поэтому мало было купить билет, еще стояла задача прорваться в зал на места поближе к экрану. Какая там очередь, какие там правила поведения! Прорывались как могли со всей мальчишеской напористостью. Локти шли в ход только так! Мне казалось, что билетов продавали больше, чем было мест в зале, потому что на каждом сеансе пацанва стояла вдоль стен, а некоторые сидели прямо на полу в проходе.

Но все рекорды побили «Кубанские казаки» и «Свадьба с приданным». На них мои взрослые родственники ходили трудно упомнить сколько раз. Это были добрые, красивые, сентиментальные фильмы, где-то наивные, где-то в чем-то даже примитивные. Но ведь такой была тогда и сама жизнь. А что касается приукрашивания (в чем позже пытались обвинить названные фильмы), то я никогда с такой упрощенной оценкой не соглашался. Кино—не только отражение реальности. Кино—это искусство, задачи которого шире. Упомянутые фильмы показывали, какой должна быть жизнь, какими должны быть отношения, каким должен быть сам человек. И зрители все понимали и влюблялись и в артистов кино, и в их героев.

Мы и сейчас по-прежнему любим те фильмы, оставившие глубокий след в душе, и тех артистов, создавших неповторимые, запоминающиеся образы... Жаль, почти никого из них не осталось в живых.

Фильмы тогда шли подолгу. Сначала в «Октябре»,

потом в других местах, «вторым экраном», — пока не посмотрят все. Но престижно было попасть на сеансы в самые первые дни показа. С раннего утра, задолго до открытия касс, народ уже толпился у дверей кинотеатра. Брали билеты на себя, родню, друзей. Очереди были!

Вечером принарядившиеся горожане чинно шествовали в кино. Забытое сейчас: «Нет ли лишнего билетика?» звучало тогда постоянно. Сохранилось ощущение того момента, когда начинался фильм: ты весь в ожидании, медленно гаснет свет, начинает раздвигаться занавес, сквозь который уже идут титры киножурнала... И ты оказываешься в другом мире, в другом измерении. Через два часа выходишь на улицу немного другим человеком и не сразу включаешься в реальную действительность.

Я уже говорил, что в начале 1950-х годов в Благовещенске было два кинотеатра. Спустя почти 70 лет их тоже стало два, нередко пустующих. Такой вот интересный путь проделало кино на протяжении жизни нашего поколения. Киноведаы ругают качество нынешних картин и уровень профессионализма актеров, но мне здесь сказать нечего: я сейчас кино не смотрю ни в кинотеатре, ни по телевизору. Вижу, что уходит целая эпоха, целый пласт жизни нашего общества. И сейчас это уже история.

Об окнах в мир

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат замечательному советскому писателю Алексею Максимовичу Горькому. Следуя во многом его завету, ценить, любить книгу наше поколение приучалось в раннем детстве. Способствовало этому и то, что книги тогда стоили недорого и были доступны каждому. Существовала специальная серия «Мои первые книжки». Размером они были с открытку и стоили 30 копеек, как и стакан газированной воды с сиропом. После денежной реформы 1961 года цены уменьшились в 10 раз. «Чук и Гек», «Тема и Жучка», «Гуттаперчевый мальчику», стихи Пушкина и Маяковского для детей, «Бородино» Лермонтова—все это мы прочитывали в той серии.

Когда я учился во втором классе, отец записал меня в детскую библиотеку имени Чехова. Много лет она находилась в небольшом здании оригинальной архитектуры на улице Кооперативной (ныне улица Амурская). Здание и поныне там, но библиотеки в нем уже нет. Тогда не было свободного доступа к книгам, и нужное нам издание мы спрашивали у библиотекаря. Читальный зал выходил на открытую веранду, где мы и вшитывали прочитываемое.

Книгоцеем я был завязан! Помню, как-то зашел с приятелями—они были постарше—в книжный магазин и слышу, как за спиной говорят: «Смотри, какими

*Детская библиотека им. А.П. Чехова на ул. Кооперативная (ныне ул. Амурская).
г. Благовещенск, 1969 г.*

жадными глазами Рубчик (так меня звали товарищи) шарит по полкам». Читал я много и вел специальную тетрадочку, в которую записывал название прочитанной книги, автора и свою оценку произведения. Я уже тогда начал осознавать, что книги — это своеобразные окна в мир! Как много я начинал видеть, раскрывая очередной томик!

Взрослел я, «взрослели» и книги, которые я выбирал для чтения.

Когда по какой-нибудь уже прочитанному произведению ставился фильм, я обязательно смотрел экранизацию, но ни одна из них не превзошла книгу. Читая, я погружался в описываемую действительность, я

будто в реальности чувствовал героев и участников событий—это было очень сильное воздействие на чувства, на сознание,—на душу, в конце концов. Кино же пробегало по поверхности чувств, не потрясая основы.

Отмечу, что у товарищей я книг не брал, предпочитая их или покупать, или брать в библиотеке. Но пара исключений из моих правил в памяти все-таки осталась.

Как-то, когда я учился в 4 классе, дома у одноклассника Валерки Кравченко заметил две достопримечательности. Первая—это золотая царская монета 10-рублевого достоинства. Мы ее вертели, цокали языком. «На зубы храним», поясняла мать Валерки тетя Лиза. А вторая—огромной толщины книга Пушкина. Не помню года издания, но книга была явно старинная. Вот ее я и попросил почитать. А второй случай—я уже был семиклассником. Только-только вышли три тома фантастики Александра Беляева. В продаже они если и появились, то не для простого люда; не было их и в библиотеке. А вот у одного из одноклассников—у Олега Черненко—по счастью они оказались. А поскольку у нас в классе сложилась своя компания: Витя Железнов, Володя Докучаев, Витя Николаев, Гена Сурков и Олег Черненко, то мы установили очередь на этот трехтомник, и все перечитали.

Позже я записался в областную библиотеку и стал ее постоянным пользователем. В читальном зале с

книгами уже не засиживался, предпочитая вникать в содержимое дома, а в «читалке» просматривал все журналы и то, что мне казалось интересным, записывал.

До середины 70-х годов прошлого столетия книги были обычным товаром. Так, в 1969 году я прочитал в «Амурской правде» объявление, что «Книжный мир» проводит подписку на «Большую советскую энциклопедию». Подсчитал, что за 31 том по 5,50 придется сразу заплатить огромную сумму и задумался, где взять деньги. Но когда узнал, что платить надо за каждый том по мере поступления, пошел и оформил подписку. Буквально через короткое время о такой подписке нельзя было даже и мечтать: популярность, ценность этой энциклопедии до сих пор высока.

Что случилось—не знаю, но в позднее советское время книга вдруг стала страшнейшим дефицитом. Книжная распродажа даже применялась как приманка на любые—официальные и неофициальные—мероприятия. Поскольку какое-то время я сам был среди тех, кто занимался организацией подобных мероприятий, помню многочисленные обращения ко мне друзей: «А книги будут?» И когда отвечал, что будут, друзья радовались: «Тогда придем!». И, конечно, если ударника пятилетки награждали книгой, он подарку радовался больше, чем денежной премии. Многие и сейчас помнят бытовавшее тогда выражение: «Подарки делятся на три категории: дорогие, недорогие и книги». За подписными изданиями очередь занимали

за несколько месяцев и ежевечерне в ней отмечались.

Будучи в Москве у родственников, обратил внимание на аккуратно увязанные пачки макулатуры. «Сдаем и получаем талон на книги»—объяснили родственники.

В популярной игре «Что, где, когда?» в качестве призов разыгрывались редкие издания, и когда их показывали на телеэкране, у всех зрителей, как говорится, слюнки текли. Собираение домашней библиотеки было модным явлением. Некоторые на полках с книгами вешали появившийся лозунг: «Не шарь по полкам хищным взглядом, здесь книги не даются на дом». Некоторые «книгочеи» подбирали себе издания по цвету обложек! Это было какое-то массовое помешательство.

Затем для книг наступила новая эпоха, которую невозможно было представить. Книжные прилавки заполнились книгами на все вкусы. Недостигаемый когда-то для простых смертных В. Пикуль—пожалуйста; недоступный А. Солженицын—сколько угодно; популярный А. Вознесенский—да нет проблем. А затем пошло такое, что вводило в ступор людей, переживших эпоху книгомании. К мусорным контейнерам стали выносить связки книг, в том числе такие, за которые в прежние времена голову могли оторвать. И вот стоишь перед этой пачкой книг и не знаешь, что делать: забрать с мусорки книги домой—вроде и не прилично, сами понимаете, как у нас относятся к тем,

кто копается у баков, а оставить у мусорки — душа не на месте. Мы же привыкли относиться к книгам, как к живым существам. Хорошо, что появились книгообменники, и процесс избавления от книг стал более-менее цивилизованным.

Хочу отметить одну деталь: в те времена не только в каждом, даже небольшом, селении работали библиотеки — они были, практически, на каждом предприятии!

Сейчас сетуют, что эрудиция молодежи оставляет желать лучшего. Приводятся примеры, когда даже золотые медалисты не знают общеизвестных событий и фактов, потому что не читают.

Но ценовая политика в отношении книг такова, словно государством специально поставлена задача не допустить ребенка до чтения. Даже на книжки для самых маленьких цена запредельная! И в итоге подрастающее поколение проходит мимо чудесного мира познания, мира открытий, мира глубоких переживаний.

Чтение — это возможность прожить много разных интересных жизней. Поэтому книги имеют особую ценность и не зря один крупный немецкий издатель сказал: «Печатать книги то же самое, что печатать деньги!» Причем, деньги со временем обесцениваются, книги — никогда.

Праздники моего детства

Что происходит на свете? А просто зима!

Жизнь во все времена прекрасна и удивительна — главное, не проморгать ее, постараться заполнить каждый ее день, каждую минуту интересными событиями, познанием окружающего мира, новыми открытиями, поисками новых дорог, новых горизонтов, за которые надо стараться перешагнуть...

Уж и не знаю, радовался или печалился поэт, сказавший, что «времена не выбирают, в них живут и умирают» — в моем представлении, в этих словах нет сожаления, есть только констатация факта и некое напутствие правильно выстраивать свой путь. Уж коль скоро не существует машины времени, уж коль скоро нет возможности переместиться в другие эпохи — живи и радуйся в том времени, в котором появился на свет.

Но это я так, пофилософствовал, исходя из собственного жизненного опыта ...

И теперь, с вашего позволения, продолжу о времени становления моего поколения.

Я уже писал про кино, которое было в нашей жизни. Сейчас расскажу о праздниках.

Самый первый признак праздника — это несмолкающее радио! Самое оперативное на тот момент, самое популярное (а других никаких и не было, по-

тому и популярное!) средство массовой информации. Из уличных громкоговорителей и домашних репродукторов (а у многих в квартирах висели так называемые «тарелки» — черные кругляши, звук в которых не регулировался) с самого раннего утра несутся песни, музыка, патриотические призывы и здравицы. Ясно дело, праздник!

Самым ожидаемым, самым праздничным (позволю себе выразиться так) праздником для нас был Новый год. У всех на стенах в квартирах висели отрывные календари. И к концу декабря из пузатенького толстячка они превращались в жалкого худышку. И чем тоньше становился календарь, тем звонче мы радовались: тем ближе был Новый год. Торжество во многих семьях готовилось в условиях строжайшей конспирации. Это касалось, в большей мере, детей младшего возраста, — малышни, которая, конечно же, верила в Деда Мороза! Мы были уверены в том, что именно он приносит наряженную елку в дом и кладет под нее подарки. Поэтому родители, купив елочку-красавицу, до поры-до времени припрятывали ее в кладовке.

31 декабря после раннего ужина нас укладывали спать, уверяя, что Дед Мороз приходит только к спящим ребятишкам. Мы проверяли, чтобы наружная дверь была открыта для Деда Мороза и ложились спать. И только после того, как мы засыпали (а сон долго не шел, мы переживали, а вдруг Дед Мо-

роз заблудится, а вдруг с ним что-нибудь случится!) родители наряжали елку.

Ранним утром мы просыпались и с замиранием сердца шли в комнату, где спали родители и стояла наряженная красавица. Свет не включали, и елка поблескивала в темноте стеклянными игрушками. Мы с нетерпением ждали, когда проснутся родители. Наконец, они вставали, включался свет, и — вот оно, волшебство — морозно пахнущая смолой, зимним лесом, счастьем — елка!

Все новогодние дни напролет ребягня проводила у лесной красавицы. Мы ходили друг к другу в гости, разглядывали игрушки, угадывали, какая из них новая, придумывали головоломки — и нам это времяпровождение не надоедало! Игрушки, конечно, были не в таком разнообразии, как сейчас, большинство — из картона и папье-маше. Но были и металлические, и стеклянные... Со временем выбор расширился, становилось больше крупных и ярких. Стоили они тогда копейки, и когда я смотрю на стоимость современных украшений — жалею, что сам не волшебник Дед Мороз: я бы все елочные игрушки на радость детям сделал бесплатными!

Хочу высказать свое мнение по одному деликатному вопросу. Да, абсолютное большинство ребягни верило в Деда Мороза иногда чуть ли не до школьной скамьи. Это была такая игра, и ничего плохого в ней я не вижу. И я печалюсь, глядя на

то, как сегодня разрушают эту сказку. Ну посудите сами: с одной стороны, учредили родину Деда Мороза — Великий Устюг, предлагают детям писать по этому адресу письма. С другой — в рекламных роликах с участием Деда Мороза, на глазах маленьких зрителей главный новогодний герой снимает шубу, шапку, отклеивает усы и бороду и оказывается вполне себе обычным человеком. Дети в недоумении! А взрослые не знают, как объяснить такую метаморфозу. Так что очень хорошо, что в наше время не было телевизора!

Неизменным спутником новогодних дней была радиопередача «Снегуркина школа». Каждый год мы слушали эту «школу», и она нам ни разу не приежилась. До сих пор помню интонации радиоведущих и отдельные слова, которые они пели: «Эй, с дороги звери-птицы — волки, совы и лисицы: мишка в школу идет, мишка песню поет». Что там говорить: зная практически наизусть все эти радиоспектакли, мы частенько артистам вторили! Для нас тогда «Снегуркина школа» была как сейчас «Ирония судьбы или с легким паром». Новый год без нее невозможно было представить.

Знаковым событием в новом годе было посещение театрального представления по приглашениям, которые отец получал на работе. Главным на красиво отпечатанном билете был отрывной талон с надписью «подарок». После всяких хороводов, игры

в ручеек, прыжков в мешках и прочей веселушки детвора выстраивалась в очередь, и Дед Мороз со Снегурочкой выдавали всем по яркому бумажному пакету, в котором — о радость! — лежали конфеты, яблоки и редкие тогда мандарины! А дома, вытащив лакомства, можно было надуть пакет и сильно шлепнуть по нему ладонью! Хороший хлопок получался! Кошка под кровать мигом улетала!

Большую часть каникул мы проводили на улице. Зима предоставляла нам, мальчишкам, широкие возможности. Мы устраивали игры типа казаки-разбойники, и в нашем распоряжении были все прилежащие дворы и огороды. А с каким азартом мы орудовали самодельными клюшками, гоня по дороге пустую консервную банку! И это хорошо, если попадалась банка, а то и каким-нибудь старым, найденным на мусорке ботинком играли в хоккей! Настоящей шайбы-то и в глаза тогда не видели!

На дорогах был снежный накат, на нем мы осваивали катание на коньках. Не знаю, есть ли сейчас коньки «снегурочки», а в то время почти все начинали именно с них. Потом по градациям шли «ласточки» и уже вершина — «дутьыши». Все эти коньки просто привязывались к валенкам и — вперед! Получилось? Не упал? Нос не разбил? Ну, значит, освоил технику, дальше уже проще, уже с опытом! Уже, становясь постарше, начинали ходить на каток, уже — по-взрослому — катались на настоящих коньках.

Но коньки — коньками, не у каждого они и имелись, а вот санки! Эх, катание на санках — самая распространенная забава! Не знаю, где сейчас можно на них кататься, а вот тогда естественных горок хватало. В том числе, на Бурхановке, возле которой мы жили. А самым лучшим местом считалась возвышенность, где ныне стоит корпус ДальГАУ. Тогда его еще не было, как не было и лесочка, что сейчас растет на склонах той полусопки. Мы называли это место «семигорка», потому что там было целых семь шикарных спусков, на которых санки набирали очень приличную скорость — аж в ушах свистело!

А самый знаменитый зимний аттракцион устраивали на Амуре. С набережной вниз устанавливали деревянную, очень длинную горку и заливали ее водой. Особым шиком считалось съехать по ней на ногах и не упасть. Она находилась в районе улицы Шевченко. К сожалению, с техникой безопасности на той горке было как-то не очень... Катались-то не по одному по очереди, а толпой, и куча-мала на этой горке случалась раз за разом. Понятно, что травмы были обычным явлением, иногда и серьезные.

Ну и понятно, что большое скопление народа чревато самыми различными происшествиями. Не раз приходилось слышать, как кого-то ограбили, кто-то с кем-то не поделил спуск и подрался... А то еще встречалось и такое: толпятся люди у начала спуска, вокруг шум, гам, веселье, смех... И когда

кто-то только-только оттолкнется и уже начинает лететь вниз, с его головы сдергивают шапку! Вроде бы случайно, вроде бы и в шутку... Да... Не раз такое случалось! А сами понимаете, возле каждого желающего прокатиться разве поставишь милиционера!

Главную городскую елку устанавливали на выступе набережной, в который упиралась улица Шевченко. Именно здесь городские власти поздравляли гуляющих с Новым годом 31 декабря. А перед улицей Ленина со стороны набережной традиционно устанавливалась новогодняя композиция — запряженная тройка лошадей, в санях которой стояли Дед Мороз и Снегурочка.

Стремительно пролетали каникулы, и с их окончанием для нас заканчивался Новый год, как праздник. Но мы не долго печалились: в те молодые годы на нас еще не давил «тот ужас, который был бегом времени когда-то наречен» (это я опять процитировал поэта).

Начинались школьные занятия, мы окунались в новые увлечения, и полноценная жизнь — уже с другими праздниками, с другими приключениями — продолжалась.

В круговороте времени

Вообще, все праздники по моим ощущениям можно разделить на три категории. Первая—это общенародные, государственные праздники. Другая—твои личные: день рождения, подарок родителей—велосипед (это ли не праздник?!), сдача на «отлично» трудного экзамена... Ну и третья—это такие спонтанные праздники. «Простотаки». Вот поет душа—и всё тут! Это как в известной песенке: «Бывает все на свете хорошо, в чем дело сразу не поймешь. А просто летний дождь прошел, нормальный летний дождь»,—помните, она звучала в «Я шагаю по Москве»? Поди, сами знаете, как вдруг наступает какое-то умиротворение на сердце, без видимой причины, «просто так»—и тогда все радуется глаз—и машины, бегущие по улицам, и люди, куда-то спешащие (особенно девушки!), и даже коллеги по работе. В общем, действительно: в чем дело сразу не поймешь...

Но я сейчас про общенародные.

Отпраздновав Новый год, мы сразу же начинали готовиться к стремительно надвигающимся на нас 23 февраля и 8 марта. День Советской армии и Военно-морского флота в наши молодые годы не был выходным. В нем тогда было значительно меньше помпезности, фальшивой ура-звонкости, он отмечался—я выражусь так—проникновеннее. И память о войне тогда была свежа, раны ее не за-

тянулись, и в школы к нам приходили самые настоящие участники боев, те, что по полной хлебнули окопной правды... В общем, отмечался этот день скромнее, тише и правдивее. Строже. К этому дню мы в школе сдавали учительнице небольшие суммы — уже не помню точно, то ли по рублю, то ли по три, но это были еще те деньги, когда булка хлеба стоила полтора рубля.

Учительница покупала для подарка гостю металлический портсигар, к нам в класс приходил военный и рассказывал про армию, про свою службу, про своих однополчан, и мы в конце встречи дарили ему портсигар.

Начиная с пятого класса появилась традиция, по которой девчата-одноклассницы стали дарить мальчикам подарки. Заметьте: не по симпатии, а по жребию! С подарками в те годы, как и с деньгами, были проблемы. Чаще всего дарили книги, плюшевые игрушки, перочинные ножички и т.п. Хотя я и в те годы, и сейчас недоумеваю: почему День Советской армии считается мужским праздником, если в армии служат и женщины?

8 марта проходило более торжественно. И в семье, и в школе.

Мой отец умер в январе 1958 года — я тогда учился в 7 классе. Когда папа был жив, я подарками не озабочивался: в армии отец не служил, 23 февраля мы в семье не отмечали. А на 8 Марта подарок маме делал

отец. И вот его не стало. А праздник 8 Марта остался. Нас трое детей, я старший. И на правах старшего я начал собирать деньги на подарок матери (8 марта было уже на носу) — стал оставлять себе небольшую часть сдачи, когда ходил в магазин. В первый год собранный капитал оказался совершенно небольшим, сами понимаете, сколько я мог накопить?! Зато в последующие годы я начинал этот процесс заранее. Подарки были, естественно, скромными: что-то из посуды, статуэтка на комод, брошка. Помню, однажды выбирал подарок и в витрине увидел непонятный мне предмет. Расспросил продавца, что это такое, оказалось — «сторож» для молока. Ну, такое приспособление, небольшое металлическое блюдечко, его положишь на дно кастрюльки, и молоко при кипячении не сбегает. Купил я этого сторожа, и мама была очень довольна: она и знать не знала, что существует такое приспособление!

Магазинов в то время в Благовещенске было — раз-два — и обчелся: Универмаг и «Московский» (это еще один универсальный магазин), а еще малюсенький ювелирный, приткнувшийся к гастроному на ул. Ленина. И все. Но шнырять по ним перед Международным женским днем приходилось много и долго: подарки надо было, кроме матери, подобрать и однокласснице, и классной руководительнице Наталье Дмитриевне Шаппо, и тренеру Вере Афанасьевне, которую мы все люби-

ли. И хотелось подобрать такой сувенир, чтоб он не выглядел обычной, бесполезной безделушкой, а чтобы грел, что называется, душу.

Вручение подарков в классе проходило очень даже обыденно: подходишь, суешь в руки подарок и говоришь: «Поздравляю». И всё. Вот такие мы были джентльмены...

А как забыть такой светлый и радостный праздник — Первомай?!

Главной его особенностью была демонстрация горожан, в том числе, школьников. На улице солнце, улыбки, радостные возгласы! То в одной, то в другой колонне звучит музыка — это и духовые оркестры (в то время они существовали на многих предприятиях), это и баяны, и гармошки — под них азартно пели и частушки, и популярные песни... Везде цветы, разноцветные ленты — каждое учреждение старалось украсить свою часть колонны, да не просто украсить, а сделать это лучше, чем у других!

А мы, школьники, за неделю до праздника на школьном дворе проводили репетиции прохождения колонны. К нашей радости — за счет сокращения времени уроков. Могло ли такое не нравиться?!

Поучаствовав в демонстрации, пообедав, мы собирались на месте нашего постоянного сбора. Обсуждали наши планы и группками по 5—6 человек разбредались по городу, имея при себе небольшие карманные деньги на мороженое, газированную

*Семья Рубцовых: Василий Иванович Рубцов – отец, Вера – сестра,
Полина Филипповна Рубцова – мать, Виктор – брат. Стоит Анатолий.
г. Благовещенск, 1959 г.*

воду, сладкую вату и тому подобное. Пошатавшись часа три по городу, покачавшись на качелях и покатавшись на карусели в горпарке, возвращались домой. Вечером снова вываливались на улицу и играли в свои пацанячьи игры. 2-е мая тоже считался праздничным, а значит, выходным днем. С утра мы шли на утренний спектакль в театр, а после обеда — опять улица и футбол.

Последний большой государственный праздник, который хотел бы назвать — это 7 ноября — «красный день календаря», как написано в хрестоматийном стихотворении. Он отмечался, как и Первомай — с уличной демонстрацией, с песнями и улыбками, но все же менее ярко: как-никак, играла

большую роль и погода: в это время года уже особенно и не навеселишься на улице, морозно, однако...

А после демонстрации мы чаще всего играли в настольные игры у кого-нибудь дома, чего зря по холоду шастать...

Иные дни календаря

Сел писать главку о праздниках, делить их на официальные, неофициальные, государственные, семейные, начал вспоминать день за днем и сделал вывод, что в жизни, по большому счету, очень много событий, достойных того, чтобы им радоваться. И пусть не всегда они отмечены красным цветом в календаре, главное — ощущать праздник в душе.

Я уже упоминал, что первым признаком торжества можно было считать громко звучащее бравоурными нотами радио. Оно, конечно, так, но все же самым-самым признаком является собственный настрой. Вот ты проснулся, а на щеке солнечный зайчик, и на кухне шипят в сковородке оладушки — мама завтрак готовит, и впереди встреча с пацанами и чуча планов... Разве не праздник?!

Ну да ладно, это я все-таки немного о личном отношении к жизни. А если говорить о событиях большого масштаба, то не могу не назвать 300-летия воссоединения Украины с Россией — оно отмечалось в 1954 году.

Погода в тот день, о котором пишу, была просто

замечательная. А ведь и она имеет большое значение для праздника! Мы своей компанией отправились в горпарк. По пути останавливались, пили газированную воду (с сиропом — 30 копеек, без сиропа — 10. Для сравнения: буханка хлеба стоила полтора рубля). Покупали мороженое. За мороженым всегда стояла длинная очередь, которая двигалась очень медленно: тетечки-продавщицы обычными столовыми ложками (их ручки были толсто обвязаны марлей, чтобы не натирать ладони мороженщицы) зачерпывали из металлических колб лакомство и впихивали его в хрустящие, хрупкие вафельные стаканчики. Потом взвешивали на весах — кому сто,

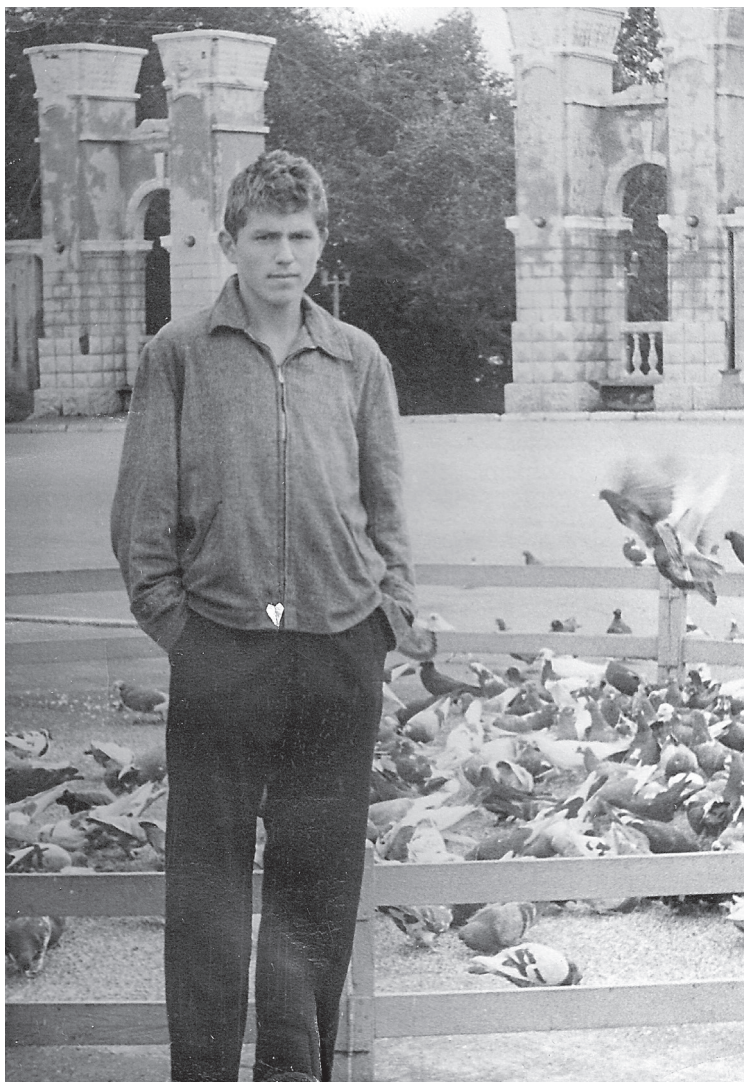

Рубцов А. у автомата с газированной водой во время соревнований по футболу в составе юношеской команды «Амур». г. Хабаровск, 1962 г.

кому сто пятьдесят граммов... Всегда ровный вес, чтобы можно было побыстрее рассчитать покупателя. Торговали тогда обычно сливочным и пломбиром, который был почему-то лимонно-желтого цвета. Реже можно было купить молочное мороженое и уж совсем редко — самое дешевое фруктовое.

Проглотив мороженое, заходили в универмаг и, обойдя все отделы, двигались дальше. Еще в тот день на грузовых машинах с открытыми бортами показывали свои таланты артисты — тогда на каждом предприятии, в самых различных учреждениях существовали коллективы художественной самодеятельности. Вот они-то и выступали перед публикой. Так, часа за 2—3 мы добирались до парка. Колеса обозрения еще не было, каких-то необычных аттракционов тоже. Накачавшись на качелях и покружившись на карусели, шли домой. А вечером на тех же машинах с опущенными бортами показывали кино. В кузове устанавливался экран, кто-то доставлял скамейки, и кинопередвижка крутила фильм. По частям. В кинотеатрах фильмы показывали двумя аппаратами, чем обеспечивалась непрерывность фильма, а здесь одну часть покажут, перезарядят аппарат и продолжают. Пока ленту перезаряжают, взрослые мужики отходят в сторонку, курят трескучие папиросы...

100-летие Амурского речного пароходства запомнилось бесплатным катанием на теплоходе.

*Рубцов А. на Комсомольской площади г. Хабаровска
во время соревнований по футболу в составе юношеской команды «Амур».
г. Хабаровск, 1962 г.*

Собрались с утра своей компашкой в условленном месте, начали думать, чем бы заняться, а тут подходит какой-то дядька и спрашивает, мол не хотите ли по Амуру покататься? Тоже мне, вопрос задал! Конечно хотим! И он дал нам билеты на теплоход, объяснив, что в день празднования такого славного юбилея, речники решили сделать ребятам подарок.

В 1957 году в Москве проходил международный фестиваль молодежи и студентов. В честь него по всей стране прошли праздничные мероприятия. Каким-то особым разнообразием этот праздник не отличался. Подобные торжества в летние дни кроились по одному лекалу: на стадионе проходил парад физкультурников, потом показательные выступления спортсменов, а в заключение — футбольный матч. А поскольку мы жили вплотную к стадиону, то там и проводили, считай, весь день.

К 100-летию Благовещенска готовился, без преувеличения сказать, весь город. Были выпущены значки, наборы открыток, подарочная книга. Появилась даже песня, посвященная городу. Там был такой припев: «Благовещенск родной, красив ты вечерней порой, тополя шумят над тобой молодой листвой». Почему-то эта песня давно не звучит в городе, а ведь какая красивая, плавная, запоминающаяся мелодия!

И я, и многие из моих сверстников тоже были привлечены к проведению многочисленных празд-

ничных мероприятий. Я занимался легкой атлетикой в детской спортивной школе и должен был в составе колонны ДСШ участвовать в шествии на стадионе «Динамо».

Но ко Дню города (в 1958 году его отмечали 17 июля) природа подготовила Благовещенску неприятный сюрприз: случилось одно из самых больших наводнений в истории областного центра.

Праздник перенесли, его потом провели в августе. Но на момент проведения он уже как-то потускнел, настроение у горожан упало: приходилось решать много проблем после наводнения. И каких-то запоминающихся впечатлений не осталось.

Конечно, живы в памяти два события всемирного масштаба.

*Центральная аллея Городского парка культуры и отдыха во время наводнения.
г. Благовещенск, 1958 г.*

Март 1953 года. Болеет Сталин, и вся страна с замиранием сердца вслушивается в сообщения по радио о состоянии его здоровья. Это сейчас, зная очень многое о Сталине, представляю, что далеко не все желали ему скорейшего выздоровления. Но мы очень-очень переживали, и когда диктор сообщил, что вождь умер, я как бы одеревенел, а мама заплакала. Я потом читал или у Евгении Гинзбург, или у Варлаама Шаламова, как в лагере вывели на плац заключенных и зачитали им это сообщение. Повисла пауза. И в мертвой тишине вверх взлетели шапки заключенных. Получился такой беззвучный салют.

В день похорон Сталина мы не учились, нас собрали на траурный митинг. Когда я зашел в школу, сразу бросился в глаза огромный, от пола до потолка портрет руководителя страны Советов. В момент выноса тела вождя загудели гудки всех заводов и фабрик Советского Союза, а автомобилисты засигналили на своих машинах.

А вот чем запомнилось другое историческое событие. Я уже был студентом политехнического техникума. 12 апреля 1961 года настроение у меня было, прямо скажу, не очень: тревожила грядущая контрольная по сопромату, с которым я не особо-то дружил. Предмет этот я знал неважно, а дело шло к концу учебного года. И вот собрались мы к вечеру на месте нашего постоянного сбора, и тут выскаки-

вает из своего дома Юрка Никитин и радостный кричит: «Хотите, я вас сейчас обрадую?!». Я вострепнулся: вот бы завтра не учиться. А Юрка прокричал: «Человек в космосе, Юрий Гагарин!» И надежды мои погасли: я понял, что, хотя полет человек в космос — событие всемирного значения, следующий день выходным все равно не сделают.

А вечером меня послали в небольшой гастроном на углу улиц Кооперативной (Амурской) и Пионерской (сейчас там здание почтамта). Народищу в магазине набралось — не протолкнуться, и все обсуждали полет Гагарина! И только, пожалуй, один я ходил, повесив нос: какая уж тут радость, когда контрольная на носу!

И еще об одном празднике осталась в памяти картинка из совсем раннего детства. День выборов. Не помню кого и куда выбирали (да я тогда и не разбирался во всем этом). Отец и мать пошли голосовать и взяли меня с собой. Оделись они, как в театр — раньше-то в театр одевали все самое лучшее, не то, что сейчас... Избирательный участок был в школе № 4. В день голосования на участке организовывали торговлю чем-нибудь привлекательным для людей. Когда родители опустили бюллетени в урну, нас пригласили в актовый зал, где начинался концерт. Посмотрев выступление артистов, мама что-то купила, и мы вернулись домой. И запомнился этот день как праздник, потому что именно так он

и был обустроен: с музыкой в громкоговорителях, с песнями и танцами на многочисленных площадках, а главное — с радостными лицами горожан.

Еще у меня остались теплые ностальгические воспоминания о празднике, который назывался «День школы» — это когда я учился в школе № 4, которая очень мне нравилась. Нас, учеников, для большей торжественности собирали и в театре, и в ДОСА, и в Доме политпросвещения (где сейчас Арбитражный суд). Каждый класс готовил интересный короткий доклад о ветеране образования или об истории школы, директор рассказывал о дне сегодняшнем, обязательным в программе был концерт

Рубцов А. (2-ой ряд 3-ий справа) среди выпускников 7-Б класса школы №4. г. Благовещенск, 1957-58 учебный год.

художественной самодеятельности. В перерывах ребята общались со своими сверстниками из других классов, с теми, кто учился старше, завязывались новые знакомства, перерождавшиеся в дружеские отношения. И вообще, на этом празднике, отмечавшемся в апреле, царила атмосфера настоящего семейно-дружеского единства. Сейчас бы это назвали корпоративной солидарностью.

Хочу заметить, что дни рождения в те времена мы не только не отмечали, мы даже не знали у кого, когда этот день. Это я о ребячьих компаниях. Но в то же время в те дни обычный календарный день мог порадовать нас, став, по сути, праздником. Такими днями были осень 1960 года, когда мы прыгали от радости, узнав, что в финале кубка Европы по футболу сборная СССР победила команду Югославии со счетом 2:1. Праздником для нас становился и день, когда побеждал наш «Амур». Или, вдруг, тебе улыбнулась девчонка, которую ты всегда искал глазами, ни на что не надеясь. И вот... Как в песне: «Отчего, отчего, отчего так хорошо? От того, что ты мне просто улыбнулась» ...

Мы уже тогда понимали, что праздник — это не цвет листка в календаре, а когда душа ликует. И еще мы начинали понимать, что даже самые замечательные праздники уходят. Всё уходит, к сожалению... И как всё это удержать? Увы, никак...

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

1 сентября 1951 года я с новеньким аккуратненьким портфельчиком, привезенным отцом из Москвы, заявился в 1-й класс школы № 27. Сейчас в этом здании на ул. Октябрьской располагается институт усовершенствования учителей. Мы пришли на тот сбор со скромненькими (по сравнению с нынешними) букетами цветов из своих домашних палисадников, пригляделись друг к другу, определились со своими местами за партами, а главное — познакомились со своей первой учительницей.

Особых впечатлений от первого класса у меня не осталось, я даже не запомнил имя-отчество своей первой учительницы, хотя казалось бы... Да и многих одноклассников тоже... Как-то, лет пять тому назад, со мной на стадионе поздоровался какой-то мужчина. Из вежливости я кивнул в ответ, понимая при этом, что он видит мое замешательство, осознаёт, что я его не узнал. Мужчина напомнил, что мы вместе учились в первом классе, назвал фамилию, но она, к моему смущению, ничего мне не сказала. Постояли, поговорили, окунулись в атмосферу нашего детства, наших первых школьных лет, но вот именно кого-то из тогдашних одноклассников вспомнить толком и не смогли. А и то: все-таки более 60-ти лет прошло.

Второй и третий классы я учился уже в другой

школе— № 10. Она представляла собой два деревянных одноэтажных дома по улице Кожевенной. Спортзалом в зимнее время был коридор, а летом школьный двор. Каждую перемену в коридоре девочки водили хороводы, и я был уверен, что это обязательный ритуал во всех учебных заведениях. Поэтому, оказавшись после третьего класса в другой школе, я с удивлением увидел, что никто никаких хороводов не водил.

Во втором классе я получил первое общественное поручение— стал санитаром. Санитары носили на рукаве белую повязку с красным крестом. В мои обязанности входила проверка перед началом занятий чистоты рук и длины ногтей у одноклассников.

Рубцов А. (3-ий ряду, 3-ий справа). ученик 1-го класса семилетней школы № 27. г. Благовещенск, 1954 г.

В третьем классе нас приняли в пионеры и меня избрали звеньевым. На школьных линейках звеньевые докладывали председателю отряда сколько человек в строю, председатель отряда затем докладывал председателю дружины, а председатель дружины — пионервожатой. А вот этот ритуал, в отличие от хороводов, соблюдался неукоснительно уже во всех школах. Сейчас бы это назвали соблюдением протокола.

Пионерское звено — это часть пионерского отряда, его подразделение, человек 8—10, и звеньевой является его организатором. Сбор металлолома и макулатуры, участие в художественной самодеятельности, в различных состязаниях, помощь ветеранам,

*Рубцов А. (2-ой ряд, 1-ый слева) ученик 3-го класса школы № 10.
г. Благовещенск, 1954 г.*

выпуск стенгазеты — чем только мы не занимались, соревнуясь при этом с другими звеньями! И это было интересно, и выполняли мы это все с азартом, и эти общие дела здорово спланировали нас, — мы, как мушкетеры, были «Один за всех — все за одного». И лозунг у пионеров был: «Всегда готовы!» — что означало: мы, пионеры были всегда готовы на защиту Родины, на выполнение всех ее заданий для блага всего народа. Сегодня это звучит несколько выпендренно, деланно... Но в то время мы искренне ощущали себя маленькой частичкой страны и старались лучше учиться, быть примером в поведении. Справедливости ради тут же отмечу, что не всегда это получалось.

В школе, в основном, учились дети с северной окраины, из семей с невысокими доходами, и некоторые ребята и на занятия ходили босиком. Кому-то за счет школы покупали обувь. Почти все ходили с самодельными сумками через плечо, сшитыми дома из грубой ткани. А у меня был аккуратненький портфельчик. И чтобы не выделяться, не быть белой вороной, я упросил маму сшить мне такую же сумку. Мама, конечно, возражала, но я настоял на своем.

В классе я ничем не выделялся (кроме того, что хорошо учился), был самым обычным учеником. Но однажды произошел эпизод, после которого меня как-то заметили.

Атаманил во всей школе наш одноклассник Боря Ивахненко по кличке Тася. Его старшие братья были настоящими хулиганами, да и он не отличался кротостью, чувствовал себя таким хозяином в школе. И вот однажды на перемене наш одноклассник выронил из кармана деньги, которые принес в школу, чтобы сдать на какое-то — уже и не помню на какое — мероприятие. А Тася эти деньги подобрал и показал всем кулак, мол, молчать! Наш паренек хватился, а денег нет. Ясно, что он сильно расстроился: семья его была совсем бедной. Я увидел, что Тася отдавать деньги не собирается, пошел к завучу и рассказал о том, что произошло — жалко было пацана.

Завуч вызвала Ивахненко, тот сознался и деньги отдал. А мне ребята передали, что после уроков меня будут бить.

После занятий я пошел домой, вполне естественно опасаясь нападения: компашка у Таси была та еще: никому проходу не давали. Но, удивительное дело, ни в тот день, ни потом меня никто не тронул, а пацаны ко мне стали относиться лучше. И даже тот же Тася.

В школе я был застенчивым, и когда приходилось декламировать на уроке стихотворение, которое задавали на дом, я читал его скороговоркой, опустив голову, как провинившийся. То есть, настоящей декламацией назвать такую словесную кашу

было невозможно. То же самое происходило, когда вызывали к доске решать какой-нибудь пример. Меня сильно смущало внимание всего класса, хотя я и понимал, что выполняю задания не хуже, а то и лучше других. Наша учительница Анна Семеновна долго старалась исправить этот мой недостаток, поддерживала меня добрым словом, поощряющим взглядом... В конце концов у нее это получилось.

По итогам учебы за 2-й класс я был награжден Почвальной грамотой. Каждую весну в школе проводился вечер отличников, и я дважды на него приглашался.

Для тех, кто не успевал по каким-то предметам, существовала система дополнительной подготовки к следующему учебному году. Попросту это называлось: «оставить на осень». В августе такой ученик неделю-две ходил в школу на занятия, учитель выяснял, в какой части школьного предмета подопечный что-то не понял, упустил, затем разъяснял недопонятое, принимал зачет («осенник» писал контрольную) и после этого недотепу переводили в следующий класс.

Были и те, кого за неуспеваемость оставляли на второй год. Как правило, оставляли ребят, попросту не желавших учиться. Они и поведением сильно отличались от учеников, занимавшихся прилежно: шалили (да что там «шалили» — откровенно хулиганили на уроках, нередко срывая их), задирали учите-

лей, грубили им, не реагировали на замечания, — в общем, были обузой и для учителей, и для тех, кто сознательно овладевал знаниями.

Когда я окончил третий класс, опять возник вопрос о переводе меня в другую школу. Дело в том, что летом 1954 года отменили раздельное обучение мальчиков и девочек. И мне очень хотелось попасть учиться именно в школу № 4, где раньше занимались только девочки. Огромное красивое здание с большой территорией, с приусадебным участком, тиром, стадионом и даже фонтаном (правда, работающим фонтан я не видел ни разу. Кстати, он и сейчас стоит во дворе школы). Учиться в той школе — мечта! Как же я хотел в нее попасть! И моя мечта сбылась, меня в эту школу записали.

И вот 31 августа я, счастливый, заявился на общешкольную линейку. Нашел свой класс, стоим. И вдруг один из учителей выкликает четыре фамилии, среди которых и моя и подзывает к себе. Оказалось, что класс переполнен и нас распределили по другим школам. Представляете мое разочарование?! Таким образом я снова оказался в школе № 27, куда ходил в первый класс.

Опять совершенно незнакомые одноклассники. Опять надо как-то сблизиться, как-то находить общий язык с ребятами. Уж так сложилось, что до 4-го класса школьных друзей у меня не появилось, я поч-

ти никого не запомнил — так, какие-то лица иногда смутно всплывают в памяти... А уже в 4-м классе появились те ребята, приятельство с которыми сложилось на всю жизнь: Леша Пономаренко, Федя Асакалов и многие другие.

Повторюсь: учился я хорошо, сплошные пятерки (хотя не был «мамсиком», «ботаном», как выражаются сейчас — просто учеба легко давалась. Помогало и то, что рос я любопытным пареньком, мне все было интересно, до всего было дело). И поэтому до сих сидит в душе занозка, этакий осадочек за оценку «хорошо», которую я получил за итоговый диктант, в котором по своей торопливости не поставил мягкий знак в нужном месте. И ведь знал, что он там нужен, но, перепроверя прочитанное, — «проморгал». И эта четверка оказалась единственной в итоговом табеле среди пятерок.

В 5-й класс я, наконец-то, пошел в школу № 4. Первое заметное отличие от предыдущих классов — это форма. Хорошо помню, как в первом классе на самом первом уроке я первым ответил на самый первый вопрос учительницы, объяснявшей нам как должен выглядеть ученик. Она спросила в какой форме школьник должен приходить в школу. Я тут же встал и сказал: синяя рубашка и черные штаны. «Правильно! — ответила она. — Но, если ты хочешь ответить, надо поднять руку».

До 5-го класса форма у всех была единая: у маль-

чиков синяя рубашка с белым воротничком и черные брюки. У девочек — синее или коричневое платье с белым воротничком и черный фартук. А в 5-м классе появилось некоторое разнообразие, разрешили вместо рубашки носить так называемые «бобочки» — курточки из разной ткани — чаще всего из вельвета — обычно черного и коричневого цвета с застёжкой-молнией.

Учебный год набирал обороты, и родителям я вскоре преподнес сюрприз. После первой четверти у меня по алгебре в таблице красовалась двойка. Это у меня-то, — отличника предыдущих четырех классов! В начальной школе я и уроков-то дома почти не учил, все запоминал на школьных занятиях и корпеть дома над учебниками не было необходимости. Мать не работала, была все время дома и когда с соседками обсуждали учебу детей, она всё удивлялась: «Я даже не знаю когда он делает уроки, не задают им их, что ли?»

Так же с легкостью, по инерции я начал относиться к учебе и в пятом классе — думал, что и здесь мне все будет даваться с лету. А не тут-то было! В программе появились такие предметы, как алгебра и геометрия. И вот по этой самой инерции я запустил начала предметов, растерялся, да так и не «оседлал» их, что и привело к двойке в четверти.

Классным руководителем у нас была Наталья Дмитриевна Шапо, «математичка», и на каждом

классном часу она говорила мне, что я по её предметам могу учиться на «отлично». Убедила.

И во второй четверти я сосредоточился на математике, догнал упущенное и выправился. Помогло и то, что я сдружился с Витей Железновым, он хорошо учился и нередко домашние задания мы делали вместе. Я приходил к ним домой, и мы вместе делали уроки, после чего немного во что-нибудь играли.

Потом появились предметы гораздо страшнее, чем математика—это химия и физика. Химию я сразу подзапустил и до конца школы так и не освоил премудрости этой без сомнения, очень важной науки.

А еще черчение, на котором нужно было осваивать проекции. Кто-нибудь сегодня может без запинки ответить, что это такое? А это способность рассмотреть определенную геометрическую фигуру (или—что еще намного сложнее—техническую деталь) с разных точек—сверху, снизу, сбоку, изнутри... И прочертить с соблюдением всех масштабов, четко, без помарок... Да подписать все определенным шрифтом... Не наука, а каторга! Я с ней хоть и справлялся, но не блистал.

В 6 классе меня пригласили в секцию легкой атлетики при Детской юношеской школе (ДСШ). Тренером была Вера Афанасьевна—очень симпатичная девушка, которая нам, мальчишкам, очень

Рубцов Анатолий (1-ой ряд, 1-ый справа). Команда школы № 4 — победитель эстафеты на приз газеты «Амурская правда». 1957 г.

нравилась. И, возможно, именно поэтому мы устроили ей однажды бойкот после того, как увидели ее в парке с молодым человеком. Ясно, что в нас разыгралась мальчишеская ревность! Довели ее до слез. Эх, до сих пор стыдно!

Зимой мы занимались в спортзале нашей школы, а летом на стадионе «Динамо». Один раз меня включили в состав сборной школы в своей возрастной группе на эстафету на приз газеты «Амурская правда», в которой мы стали победителями. Я хоть и был щупленьким, но спорт любил. Бегал на лыжах, занимался баскетболом в обществе «Спартак» и даже играл за эту команду на первенство города.

Однажды после соревнований среди школ нас с

Володей Докучаевым пригласили на радио. До сих пор не знаю почему—ведь наши результаты не были лучшими. На радио мы рассказывали, почему мы занимаемся легкой атлетикой, чем этот вид спорта нам нравится, каких результатов ожидаем, к каким вершинам готовимся...

А дальше случилось то, чего мы не ожидали. Корреспонденты, которые нас спрашивали, отметили, что у нас хорошие голоса и пригласили нас быть ведущими на радиопередачу «Амурские ребята». И до конца учебного года мы этим занимались.

Я учился в 7 классе, когда у нас сменился классный руководитель.

Римма Андреевна Семенова до нас была завучем в школе №1. Но что-там произошло, ее освободили от должности и назначили учителем истории в нашу школу и классным руководителем в наш класс. Она была заметная не тем, что сильно хромала, а своим характером—грубоватая, резкая... Раньше таких женщин сравнивали с комиссаршами из кино! Порой она покировала нас, излагая свои принципы, отличающиеся от общепринятых.

Однажды она провела с нами необычный эксперимент.

Учебный год закончился и нас на две недели отправили в Чигири сажать капусту. Привезли в поселок, выдали наволочки и матрасовки, которые мы набили сеном, приготовив себе постель, и устрои-

лись в спортзале деревянной школы. И мальчики, и девочки — все мы спали на полу. (В скобках замечу, что сейчас Роспотребнадзор за голову бы схватился. А тогда всё было в порядке вещей, всё было проще, понятнее и — я бы даже сказал так — приключеннее!).

И вот в один дождливый день, когда работать на поле было невозможно, Римма Андреевна, чтобы мы поменьше били баклуши, то есть, не проводили время впустую, предложила игру, на которую все с интересом согласились. Правила такие: один из учеников выходит за дверь, а остальные называют его как хорошие качества, так и отрицательные. Римма Андреевна записывала сказанное, а потом оглашала, не называя авторов оценок. Начали с мальчиков.

Да... Много интересного и нового каждый из выходивших узнал про себя. Сами понимаете, что все мы считаем себя вполне приличными людьми. Иногда даже видим в себе какие-то недостатки, но они совершенно безобидные, так себе, они даже, скорее, продолжение положительных качеств... А тут человеку начали вываливать такое, такое...

С одной стороны, еще библейский апостол Павел отметил, что праведных нет никого, но, чтобы мы до такой степени оказались неправедными! Даже удивительно было, как нас до школы-то допустили!

В общем, игра очень быстро закончилась, никто не захотел больше выходить за дверь. И сегодня я

понимаю, что тот давний эксперимент нашего руководителя вряд ли можно назвать правильным с педагогической точки зрения.

Сегодняшние школьники в массе своей вряд ли понимают, что означает слово «чернила». Возможно, кто-то из совсем юных и слышал, что это жидкость, которой писали в тетрадках. Для нас же это было неотъемлемой частью учёбы. Помните (это я обращаюсь к взрослым читателям, плюс-минус моим ровесникам) чернильницы-непроливайки? Для них шили специальные мешочки с веревочкой, в которых мы и носили эти самые чернила из дома в школу и обратно. Кстати, чаще всего непроливайки оказывались как раз проливайками, поэтому нередко в чернильных пятнах оказывались и брюки, и руки. Чернила мы разводили сами — покупали чернильный порошок и в какой-нибудь банке разводили. И редко когда при этом не заляпывали кляксами стол. А если еще стол был застелен дефицитным материалом — клеенкой — то это вообще была трагедия: попробуй, отмой! Была ещё одна особенность, трудно объяснимая — чернила допускались только фиолетовые. Синие чернила — это преступление.

В квартирах нередко отключался свет. И чаще всего, по закону подлости, он гас именно тогда, когда более всего был нужен — вечерами. Это как раз в то время, когда мы садились за уроки. Так что делали мы их, случалось, в полутьме. Ну, тут на выручку

приходили керосиновые лампы, они на этот случай хранились во всех семьях. Ламповое стекло — тонкое, очень хрупкое, чуть задел неосторожно — и рассыпалось — было дефицитным товаром, поэтому его старались покупать впрок, и в кладовках всегда висели нанизанные на веревочку ламповые стекла.

Каждый год нам в школе делали уколы. Не знаю от каких болезней, но очень «болючие». Под лопатку. Обычно после сделанного укола все, дурачься, хлопали друг друга по спине. Да крепко так, от души! Зато на следующий день все приходили в школу перекошенные: место укола воспалялось и любое движение доставляло боль. Иные после укола вообще не приходили в школу.

Как-то случился такой эпизод: нам сделали прививки, а на следующий день, когда мы еле передвигались, стараясь поменьше шевелиться (накануне-то хорошо отшлепали друг дружку), заходит в класс учительница и командует: «На укол!» Мы взвыли: «Нам уже сделали!», а нас никто не слушает! Повели всех в Ленинскую комнату, где орудовали медсестры. Я иду и размышляю: вот если мне за этот укол пообещают звание Героя Советского Союза, все равно не дамся! Но обошлось, медики разобрались, что к чему, отменили экзекуцию. Так что, чуть было нас по второму разу не привили.

В каждом классе всегда образуются группы по ин-

тересам. Как правило, их состав зависит от места жительства. Идешь домой после уроков, и все, кто по пути, уже сближаются, выясняются общие взгляды, общие интересы. А если это каждый день и не один год... Вот мои самые ближайшие друзья в то время: Володя Докучаев, Витя Железнов, Витя Николаев, Гена Сурков, Олег Черненко. Мы все время были вместе, что-то обсуждали, обменивались книжными новинками. Нам все время было чем заняться — увлекательным, полезным, — тем, что занимало нас, и совсем не по принуждению, а потому, что нам было интересно. И ведь мы уже были 14—15-летними подростками, уже считали себя вполне взрослыми, но ни разу ни у кого не возникало и мысли попробовать алкоголь, хотя многие в нашем возрасте его вкус знали.

Лет в двенадцать я стал задумываться о быстротечности времени, о жизни и смерти, как явлении. Однажды, после насыщенного, интереснейшего летнего дня, уставший донельзя, я завалился спать, но сон что-то шел. Я еще был под впечатлением событий, перебирал в памяти лица ребят, с которыми проводил время, заново переживал наши приключения... А по радио, (оно у нас никогда не выключалось) запели «Севастопольский вальс», и мое мажорное настроение переключилось на минорный лад. Я начал размышлять о том, что вот такой замечательный день больше никогда не повторится,

что еще будут и другие наполненные дни, но вот именно этот — никогда. И наша дружная компания не сохранится на всю жизнь, и что некоторые старшие ребята, которые играли с нами, скоро уйдут в армию или уедут учиться, и я, может быть, их и не увижу больше никогда.

От мыслей этих мне стало не столько грустно, сколько страшно. Страшно из-за бега времени, который все меняет. И все чаще, увы, человек встречается с этим страшным понятием: «Никогда больше»...

Вот это чувство уходящего времени с тех давних пор так и сопровождает меня по сию пору... Я рано начал читать периодику; журнал «Юность» и «Комсомольская правда» стали моими постоянно читаемыми изданиями. Именно они довольно часто писали как раз на эти темы. Под влиянием их публикаций я начал вести дневник. Я записывал каждый прожитый день. Долгое время все записи являли собой перечень сделанного: встал, поел, сходил в школу, по истории получил пятерку, ну и т.д. Потом дневники стали наполняться разными мыслями и рассуждениями о смысле жизни. Кстати, я веду дневник до сих пор. Иногда — прямо скажу — хотелось на страницах дневника что-то приукрасить, что-то описать в более выгодном, в более героическом свете..., но вовремя останавливался, удержав себя от соблазна, и описывал все, как есть: я осоз-

навал, что солгать дневнику — это солгать и себе. А ведь что есть дневник? Это попытка разобраться в самом себе и в окружающем мире, а как можно разобраться в придуманной действительности? Такого я себе позволить не мог.

Уже со школьных лет у меня стало развиваться критическое восприятие и прочитанного, и услышанного, и навязываемого. Появлялось много вопросов, на которые я не находил ответов. В те времена часто приезжали с лекциями лекторы ЦК КПСС. Мне нравилось на них ходить (это когда я уже стал постарше), и я почти всегда задавал вопросы, на которые лектор отвечал несколько неопределенно: видно было, что и он не знал ответа. Ну, например: волчица каждый год плодит не менее 5 волчат. А овца — одного ягненка. Почему же за тысячи лет волки не съели овец? Даже саблезубые тигры вымерли, а беззащитная овечка выжила. Ведь по теории эволюции у нее не было шансов уцелеть в процессе естественного отбора!

Да простят меня лекторы и учителя, которых я ставил в тупик своими вопросами!

В 1957 году у меня впервые появились наручные часы — отец подарил свои на день рождения. Тогда редко у кого из моих ровесников были часы. Это не то, что сегодня, когда у ребенка еще до школы появляется смартфон, как самый обыденный, вполне естественный аксессуар. Тогда часы считались

очень дорогим подарком (сейчас сказали бы: статусным).

В январе 1958 года у меня умер отец, ему было всего 48 лет.

В начавшемся новом учебном году у нас ввели школьное питание. Надо было покупать талоны и получать обед. Мне, с учетом того, что семья осталась без кормильца (мама не работала), талоны на еду выдавали бесплатно.

Ближе к окончанию учебного года в школьном образовании была произведена реформа. Нам объяснили, что в новом учебном году мы будем четыре дня учиться, а два дня осваивать какую-нибудь профессию на предприятиях города. Но учиться придется на один год дольше. Мы обрадовались этой реформе. Из предложенных профессий я выбрал столяра—краснодеревщика, хотя понятия не имел, что означает слово «краснодеревщик».

Восьмой класс мы заканчивали с радостным ожиданием (и с некоторой тревогой) начала нового учебного года: что за новые испытания принесет он?

На пути к профессии

*«Нужно прилежно учиться и не бояться,
что ничему не научишься»
(Китайская мудрость)*

Итак, 8-й класс окончен, я настроился идти в 9-й класс, тем более что предстояло учиться по-новому, сочетая учебу с производственным обучением. Но все пошло по— другому.

Летом к матери пришла Александра Германовна Грушева, директор Благовещенского лесотехнического техникума, где работал преподавателем спецдисциплин мой отец. Она приехала специально с рекомендацией, чтобы я в этом году поступал в техникум. «Отца в техникуме помнят, очень его уважали. Анатолию будет учиться полегче», — говорила она. Мама, конечно, была только «за». Когда я пришел домой, она изложила этот вариант. Я был категорически против. Тогда мама применила (неосознанно, конечно) неотразимый женский аргумент. Она заплакала: «Мне вас троих не поднять. Зарплата у меня маленькая, я вас не выучу. А тут хорошую специальность получишь, а не просто столяра».

Да, нас у матери осталось трое: брат Виктор, младше меня на 2 года, и сестра Вера, младше Виктора на 2 года. И я, как говорится, скрепя сердце, согласился с матерью.

В техникуме обучали трем специальностям: техник-механик, деревообработчик и плановик. Я подал документы на деревообработку. Металл я почему-то не любил, а дерево как-то теплее, что ли, и пахнет приятнее. В августе я сдал экзамены и стал учащимся Благовещенского лесотехнического техникума. По итогам экзаменов у меня было две четверки и пятерка. Причем, пятерка получилась трудовая. Принимал экзамен по литературе один из ветеранов техникума Андрей Федорович Романов. Я его видел на фотографиях у отца. Вот он-то и задал мне проверку, так проверку! После того как я ответил на вопросы в билете, он стал задавать мне дополнительные и попросил рассказать какое-нибудь стихотворение не из школьной программы. Хорошо, что я знал много стихов, и задание не поставило меня в тупик. Так что пятерка оказалась вполне заслуженной.

Группу свою я увидел только 1 октября. Дело в том, что все в начале сентября уехали на месяц на сельхозработы, а меня освободили по просьбе спорткомитета. Я играл в футбол, и наша команда участвовала в каком-то турнире. Но вот наступило 1 октября. Чуть робея, захожу в аудиторию. Ребята за месяц все уже перезнакомились, стали, что называется, своими, а тут я — никому не знакомый.

Самое первое впечатление совсем ухудшило мое настроение. Над доской висел красиво написанный

лозунг: «Не знаешь — научим! Не можешь — поможем! Не хочешь — уходи!» И я воспринял написанное буквально, будто мне адресованное: я же не хотел здесь учиться, а ребята будто об этом узнали и прямым текстом об этом сказали...

Переступив порог, я робко стоял, не зная, куда приткнуться, и тут меня пригласил к себе за стол такого же возраста паренек. Это был Леша Курило. Надо сказать, что тогда в техникумах был совсем другой, нежели сейчас, возрастной состав. Я живу недалеко от двух колледжей и постоянно вижу современные группы молодежи. Дети, даже не юноши и девушки, а именно дети!

В те же времена в техникумах училось много ребят, отслуживших по 3—4 года в армии. Самыми молодыми, «последшкольными» в нашей группе были только три человека: я, Леша Курило и Витя Молчанов. (Нас старшие товарищи называли «гвозди»). Остальное мужское население — это чуть ли не средний возраст, уже взрослые парни, многие были женаты, кое-кто и детей имел. Так же выглядела и женская часть потока.

Классным руководителем у нас стал Анатолий Григорьевич Краснов. Он преподавал математику, приехав в Благовещенск из Серышево, где отработал по распределению три года.

Анатолий Григорьевич был весьма креативным человеком и в воспитательных целях чего только не

*«Гвозди»: Леша Курило, Анатолий Рубцов, Витя Молчанов —
учащиеся лесотехнического техникума.
г. Благовещенск, 1960 г.*

выдумывал! Особенно всем запомнилось его новшество в системе наказания за нерадивость. Обычно каждый день после занятий дежурные по очереди мыли полы в аудитории. Краснов ввел новацию: обязанность мыть полы вменили тем, кто получал в тот день двойку. Если никто не получил, то моют дежурные. А занятия в техникуме, надо сказать, ничем не отличались от школьных. Те же уроки, те же домашние задания, те же вызовы к доске. Так вот после этой поправки страшно стало получить двойку не потому, что это сама по себе плохая оценка, а потому, что еще и надо было мыть полы. Двойку-то

*Первый курс группы деревообработки Благовещенского лесотехнического техникума. Стоят слева направо: А. Цветова, А. Рубцов, В. Зазулин, В. Архипова, Л. Курило, В. Смирнов, Н. Высоцкая, Н. Милованова, Н. Кайкова. Сидят: В. Молчанов, А. Стрельцова, Л. Иванова.
г. Благовещенск, 1960 г.*

исправить можно, а вот от полов уже не отвертишься. Я один раз у него на уроке чуть не попал под раздачу, но выручил вовремя прозвеневший звонок.

Учился я средне, за знаниями особенно не гнался, и не переживал по этому поводу, — считал, что работать по выбранной специальности не буду. Я планировал всерьез заняться футболом — сначала играть, потом стать тренером. Тем более, что после техникума меня ждала служба в армии, а это более трех лет, так что главное — получить диплом.

О несерьезности моего отношения к учебе го-

ворят такие, например, эпизоды. Однажды я получил хорошую оценку по очень сложному предмету. «Сопроотивление материалов» — сопромат — стал притчей во языцех, про противность (сложность) этого предмета говорят и будут говорить студенты всех поколений. Как-то нам задали курсовую работу, раздали темы. В этой курсовой надо было очень много считать. Умножать, делить и возводить в степень цифры, где после запятой стояло еще четыре цифры. Все бросились осваивать логарифмическую линейку. А я не стал. Первые два раздела мы сдавали на проверку Раисе Николаевне Кизимовой, которая слыла строгим, придирчивым преподавателем. И на этих первых разделах пришлось попахать: абсолютно все математические действия я делал «дедовским способом» — в столбик. Сданные разделы были ею одобрены, а дальше я ударился в авантюру. Большая часть курсовой была впереди и считать в столбик миллионы цифр мне показалось скучным. И я записал все цифры, что называется, «с потолка!» Конечно, там получилась сплошная абракадабра, но я верно рассчитал, что дальше уже никто ничего пересчитывать не будет. Зачет был получен. Потом я и экзамен сдал по этому предмету на четыре.

А то еще один случай, уже на третьем курсе. Уже шли только спецпредметы. Вел их Евгений Афанасьевич Постников. И вот чувствую, что меня должны спросить по предмету «Сушка древесины».

У Евгения Афанасьевича была манера вести опрос сверху вниз по порядку. Журнал на перемене он не забирал. И вот я заранее посмотрел журнал и увидел, скорее всего спросит — подошла и моя очередь. А я не готов! И тогда я на перемене открыл нужную страницу журнала и поставил себе пятерку. Это увидела Валентина Погорелова (учащаяся заметно старше меня), подошла ко мне и говорит: «Поставь и мне оценку». Я посмотрел, что у нее до этого стояли сплошные тройки и поставил ей «удовлетворительно». Как она взъерепенилась! «Ты почему себе пятерку поставил, а мне тройку?» Я объясняю, что у меня до этого пятерки стоят, а у нее тройки. Она: «Я все расскажу Евгению Афанасьевичу».

Конечно, я струхнул, но она никому ничего не сказала.

Рассказал я об этом по большому счёту, исповедуясь: несмотря на то, что к учебе я относился более чем прохладно и упомянутые случаи можно было бы списать на мальчишескую удаль и находчивость, я до сих пор чувствую угрызения совести.

Наш классный руководитель, Анатолий Григорьевич и сам был заводным человеком (хотя внешне был нетороплив и сдержан), и всю группу заводил. Про таких сейчас говорят — креативный. Во многом благодаря его стараниям наши ребята всегда были победителями в конкурсах на лучшую художественную самодеятельность все годы учебы. Мои

однокашники Г. Сливко, Э. Глотов, В. Смирнов, А. Стрельцов играли на духовых музыкальных инструментах, И. Бычков на барабанах, В. Минаев на скрипке. Сам Краснов играл на мандолине и организовал в группе кружок игры на струнных инструментах. А как пели наши девушки! Заслушаешься! Особенно Валя Архипова.

Пытались привлечь к самодеятельности и меня, даже вручили домбру, но быстро выяснилось, что по моим ушам прошелся слон, поэтому стезя артиста меня миновала. Тем не менее, в многочисленных концертах, с которыми ребята выступали перед рабочими в трудовых коллективах и перед солдатами в войсковых частях, я участвовал, правда, в совершенно неожиданном качестве. Перед первым выездным концертом встал вопрос, кто будет стирать одежду выступающих? (Раздеваться часто приходилось где попало, не везде были специальные раздевалки, ну и кому-то надлежало одежду прибрать и покарать). Выбор пал на меня, и в таком качестве я всегда был рядом с нашими артистами и способствовал их успехам.

До техникума я не пил ни водку, ни вино, ни пиво. Но вот на третьем курсе это, увы, случилось. На перемене перед черчением в специальной аудитории, где на стеллажах лежали разные детали от машин, меня разыграл Иван Бычков. Он был заметно старше меня и поздоровее, выглядел и правда, как бык.

Говорит мне: «Спорим, что ты мои часы с трех ударов вот этим колесом не разобьёшь!». А я в таких случаях всегда спорю, чтобы узнать секрет. Иван подал мне колесо, а часы положил в угол. Понятно, что для колеса угол — это мертвая зона. Спорили на то, на что всегда спорят мужики — на водку. Я проспорил. Хотя, если честно, я выиграл спор. Когда Иван положил часы в угол, я ударил по полу — часы подпрыгнули. Я еще раз ударил, и часы выпрыгнули из угла. Но Иван говорит, мол подожди, я не туда часы клал и положил их обратно. Мне бы сказать, что я к ним не прикасался, но не стал спорить со старшим товарищем и согласился, что проиграл.

Теперь надо было собирать деньги на бутылку. Я часто ходил в магазины за продуктами и за счет сдачи почти набрал нужную сумму, осталось чуть-чуть. Наступили новогодние каникулы. Иван был из Магдагачей, но домой не поехал, наверное, денег не было. Сообщил мне, что он будет все каникулы в общаге.

Накануне Рождества, 6 января, к нам из Архары приехала сестра матери — тетя Нина. Как всегда, начали возиться на кухне, что-то готовить: жар-пар вовсю! Дело к вечеру и мама говорит: «Масло закончилось. Толя, быстренько в «дежурный» за маслом». Я только этого и ждал. Пулей улетел в «дежурный» магазин, купил масло и водку. И к Ивану в общагу. Общага пустая, Иван один сидит в комнате. Я

говорю: «Иван, вот бутылка, что я проспори́л». Он оживился: «А ты куда это? Нет, порядок такой, что пьют оба спорщика». Мое возражение, что я не пью он и во внимание не принял. Усадил меня, достал два граненых стакана и разлил водку. Вся бутылка и уместилась в эти два стакана. «Правда, закусить у меня нечем. — говорит. — Только курятина. Но ты не куришь». Однако кусочек сухарика он для меня нашел. «Ну, давай!» и мы выпили по стакану водки. Я до сих пор сам этому поверить не могу. Проглотив 250 грамм водки, я еще чуть посидел и побегал домой. Общежитие находится на углу улиц Ленина и Политехнической, я жил на ул. Северной, между Пионерской и Красноармейской (50 лет Октября) — это 13 кварталов. Как я дошел, тоже не поддается объяснению. Но я чувствовал, что меня мотает по тротуару от кромки до кромки. Домой зашел с мороза, а в квартире натоплено, я положил сетку с маслом на стол, зашел в комнату и рухнул, как убитый. И тут как началось! Мать перепугалась, она отказывалась верить, что я пьян, она же знала, что я не пью эту гадость...

Конечно, так напиться — это плохо. Но диалектика говорит, что даже в самой плохой ситуации можно (и нужно) найти что-то положительное или полезное. Так произошло и со мной. После той пьянки мне много лет даже от одного только слова «водка» становилось плохо. Так что с алкоголем

сейчас у меня вполне нормальные отношения: каждый сам по себе.

После первого курса нам сообщили, что произошло объединение двух техникумов — нашего с горным, и основой всего процесса будет база горного техникума. По сути, лесотехникум влился в горный и все это учебное заведение стало называться политехническим техникумом. При нас и новый большой корпус построили на улице Политехнической, и мы были теми, кто первыми там стали заниматься.

На каждом курсе у нас была производственная практика, с каждым годом все продолжительнее. В результате я поработал в ДОКе, мебельном комбинате и на мебельной фабрике. ДОК — это деревоотделочный комбинат, небольшое предприятие на углу улиц Горького и Торговой (Хмельницкого). Выпускали письменные столы с дерматиновым по-

*Центральный вход в Городской парк культуры и отдыха.
г. Благовещенск, конец 1950-х гг.*

крытием и что-то еще. Мебельный комбинат и сейчас на том же месте по ул. Калинина, но уже сильно усеченный. Ну и мебельная фабрика... Крепкое и успешное в то время предприятие, разнообразная продукция была настолько востребована, что на нее в мебельном магазине вели запись на несколько месяцев вперед. На фабрике я проработал год (заключительная годовая практика), состоял в бригаде сборочного цеха, навешивал дверки на платяные шкафы и был на хорошем счету.

После той практики и каникул мы занялись подготовкой к защите дипломных проектов. Дипломная работа — это описание определенной темы, чертеж, и разработка конструктивного узла. Конструктивный узел — это самое главное в дипломном проекте, его изюминка, твоё полноценное раскрытие темы, демонстрация итогов нескольких лет обучения.

Моей задачей была разработка замка на дверях сушильной камеры. Подобная конструкция уже была хорошо описана, но на Благовещенской мебельной фабрике еще не применялась. И мне, и всем моим однокашникам удалось написать хорошие работы, тем более, к каждому были прикреплены консультанты и референты. Защищали мы свои дипломы в конце декабря 1963 года. Защитили все. На том мое обучение и закончилось.

И вот распределение. На стене в коридоре вывесили списки предприятий, которые мы могли вы-

бирать. Привлекательного там ничего не нашлось. Самым-самым далеким, а потому экзотическим казался Магадан. Заходили мы в кабинет по очереди, согласно набранным балам по итогам учебы. Мое место было в середине списка. Когда я вошел, ко мне бросился маленький мужичок — (он к каждому подскакивал): «В Берею поедешь? Не пожалеешь!». Я моментально согласился, и мужичок меня даже приобнял. Я-то и не понял сразу, куда он меня приглашал. Мне слышалось Буряя, а он звал в Берею — это какой-то полустанок в Шимановском районе. Но мне было все равно: ехать я никуда не собирался, поскольку в июне меня ждала армия, а до нее мне предложили поиграть в футбол за команду завода «Амурский металлист». Поэтому мне было неловко перед представителем из Береи, которому, по его словам, велели не возвращаться без молодого специалиста.

Перед отъездом к местам распределения нам надлежало получить подъемные, но я, конечно, делать этого не стал.

Финал этой истории получился не самый красивый. Тренер Геннадий Иннокентьевич Плотников сказал мне, что надо идти на завод, устраиваться на работу, а в начале февраля начнется подготовка к игровому сезону, и все будут от работы освобождены. Я никуда не спешил, осмысливал окончание важного этапа в жизни, ходил в кино и в читальный

зал областной библиотеки — она тогда располагалась в небольшом двухэтажном доме на углу ул. Ленина и пер. Интернационального (Святителя Иннокентия).

Неожиданно для себя получаю письмо, в котором меня вызывают в здание на Ленинской, там находился некий контролирующий орган от образования. Прихожу. За столом пожилой крупный мужчина с недобрим выражением лица. Он сразу обрушился на меня с обвинениями и угрозами, что я подъемные получил, а сам не поехал по направлению. Я робко отвечаю, что подъемные не получал, а поехать не могу, так как мать болеет, а я старший в семье.

И тут он вывел меня из себя словами, что ему плевать, болеет у меня мать или нет, а я должен ехать в Берею. Робость мою как рукой сняло, и я ему на таких же повышенных тонах заявил, что негоже так человеку в возрасте относиться к материнским трудностям.

Но мой душевный порыв его не остановил, он, брызгая слюной, в самой грубой форме называл меня бездельником и отщепенцем, человеком, обманувшим государство!

Понимая, что все мои возражения бесполезны, я развернулся и пошел прочь. Во след мне он прорычал, что когда меня призовут в армию, то направят служить на самую последнюю точку за Магаданом!

Как могли работать такие сотрудники в органах государственной власти — уму непостижимо. Но работали...

Справедливости ради отмечу, что с моими подъемными, которые я и не собирался получать, разобрались и без моего участия, и тот инцидент не возымел никаких последствий.

Во время подготовки к диплому, в моей жизни произошло еще одно важное событие: меня приняли в комсомол. Наверное, была какая-то установка, скорее всего, в официальных комсомольских кругах кто-то гнался за цифрой, за повышением показателей приёма в ряды ВЛКСМ, вот нас и собрали человек шесть и как-то поспешно, без комсомольского собрания повели на бюро горкома, где и приняли (я бы даже сказал: записали) в комсомол. Это произошло буквально перед самым уже распределением. Ну, а первое мое комсомольское собрание состоялось уже в армии, и я его благополучно сорвал. Но это уже другая история.

С Анатолием Григорьевичем Красновым мы поддерживали отношения до его ухода из жизни. Он впоследствии стал директором техникума, председателем Совета директоров средних специальных учебных заведений. Мне с ним приходилось сотрудничать, в бытность мою заместителем главы администрации области. Умер он в августе 2003 года в возрасте 69 лет.

Витя Молчанов, как и я призванный в армию в 1964 году, был направлен в СКА (Хабаровск) — он был гимнастом высокого уровня. Виктор закончил институт физкультуры и посвятил свою жизнь армейскому спорту, проживая на юге страны. В сентябре 1999 года, уже будучи в отставке, он приезжал в Благовещенск в гости к родственникам, и мы втроем (еще Алексей Курило) несколько раз встречались, и добрым воспоминаниям о годах юности не было конца. К сожалению, он тоже безвременно покинул этот мир.

Леша Курило максимально реализовал то, чему учился в техникуме. После армии, он поработал на севере, вернувшись в Благовещенск, поработал мастером на мебельном комбинате, а затем до самой смерти — на мебельной фабрике то ли начальником производства, то ли заместителем директора. Хотя и редко, но мы бывали друг у друга в гостях, нам было о чем поговорить друг с другом. Но и он ушёл из жизни в 2010 году.

В ритме города

В Благовещенске я оказался в пятилетнем возрасте в 1949 году — отца перевели по работе. Поменяли 3 или 4 места кратковременного проживания то у кого-то на квартире, то в каком-то общежитии. И, наконец, осели на улице Северной № 124 (со временем номер поменялся на 156) между улицами Пионерской и Красноармейской (50 лет Октября). Дом старый, деревянный, на две семьи. Но квартиры отдельные. Ворот у дома не было. Я больше не встречал домов, у которых при входе во двор, не было ни калитки, ни ворот. А так дом, как дом.

Конечно, в пятидесятые годы Благовещенск выглядел большой деревней. Город был деревянный, лишь несколько кирпичных зданий остались еще с дореволюционных времен. Здания, надо сказать, были красивые, они и сейчас украшают областной центр. Это нынешние педуниверситет, школа № 4, дворец пионеров, железнодорожный и речной вокзалы, музей, театр и еще несколько зданий. Но нас деревянный город не смущал, мы органично с ним слились.

С севера он ограничивался железнодорожным вокзалом. Ничего того, что есть за вокзалом сейчас, тогда не было. На юге граница — это Амур. На востоке — Зея. На западе — район нынешней мебельной фабрики. Вернее, место, где она находилась.

*Анатолий Рубцов во дворе дома по ул. Северная, д. 156.
г. Благовещенск, декабрь 1960 г.*

Улица Северная располагалась на берегу Бурхановки, пересекавшей весь город. Когда мы вселились, старожилы нам говорили, что раньше город и заканчивался Бурхановкой, а за ней был пригород под названием «Горбылевка».

В наше время по другую сторону Бурхановки находились питомники. Начинались они от улицы Красноармейской (50 лет Октября) и тянулись до улицы Калинина. Каждый питомник занимал квартал в длину и ширину. Улица Северная заканчивалась кладбищем. За ним располагались военные части, и летом мы ходили туда смотреть фильмы — их показывали прямо на улице. Севернее кладбища ничего не было, там росла трава и на ней пасли коров и коз. Этих домашних животных каждое утро прогоняли мимо нашего дома на пастбище, а вечером гнали обратно. Раза три и мне довелось побывать пастухом. Паренек из второй половины дома — он был постарше меня — взялся пасти коз. А чтобы одному не скучать, прихватывал с собой и меня. Так что могу смело сказать, что и я причастен к сельскому хозяйству.

Транспорта в городе почти не было. Конечно, по центральным улицам он и ходил, но в наш закуток если и заезжала какая-нибудь машина, то, вероятно, сильно заблудившись. Тут же с пацанами договаривались: «Айда на машину смотреть». Да-да, такая редкость была!

Запомнился очень большой, неудобный трофейный автобус голубого цвета, на бампере которого торчали два шара на стойках. В народе его прозвали просто и ёмко: «Крокодил». Неудобство его заключалось в том, что у него была только одна дверь спереди. Вошедших в автобус кондуктор призывала пройти вглубь, а пассажиры не хотели, боясь, что не выберутся на выходе. Поэтому у двери всегда происходила давка. Автобус связывал железнодорожный вокзал с центром города. Но мы — пацаны — на автобусе не ездили. Везде ходили пешком. Везде! За орехами в район Верхне-Благовещенского (его еще не было) — пешком; за Зею за майским луком — пешком. Но для этого еще надо было прохильнуть (пройти без билета) на паром. Под сопки на военное стрельбище за гильзами — пешком. Поэтому город знали хорошо: мы его исходили вдоль и поперек.

Мне кажется, что раньше проливные дожди шли чаще. Но город, в отличие от сегодняшнего, от ливней не тонул. Причина крылась в простой и разумной планировке кварталов. По всему городу вдоль дорог с обеих сторон прорывались канавы. И напротив почти каждого дома лежали мостики, соединяющие дворы с дорогой. И вот во время ливней по этим канавам вода с ревом устремлялась по наклонной местности к водоемам. Больше всего в Бурхановку. Дождь прошел, вода быстро скатилась в водоемы и никаких тебе подтоплений!

*Дети на самодельных плотах во время наводнения на р. Бурхановка.
г. Благовещенск, 1958 г.*

Бурхановка в те времена играла несравнимо большую роль в инфраструктуре города, нежели сейчас. Я жил непосредственно на ее берегу и в полной мере познал ее значимость для тех, кто жил рядом. Она обеспечивала водой все огороды вдоль своих берегов. Вода в ней никогда не иссякала. Мы делали небольшие плоты и, опираясь шестами о дно, бороздили ее просторы. Сейчас, глядя на эту речку, трудно представить, что мы в ней купались. И матери не приходили в ужас от этого. Многие из нас имели аквариумы — трехлитровые банки. И рыбки в них были из Бурхановки. Когда вода спадала, мы куском марли водили по дну и вытаскивали рыбешек. В основном, для кошек. Но когда Бурхановку подпирала Зeya, туда заходила очень крупная рыба и там уже за дело брались взрослые мужики.

Поздней осенью у нас появлялось другое развлечение. Мы ходили, щекоча себе нервы, по неокрепшему льду, который гнулся, а бывало и ломался. Однажды лед проломился и подо мной! То-то натерпелся, пока меня вытаскивали из воды, где я в зимней одежде остужал свою горячую голову.

Зимой Бурхановка не становилась малолюднее. Снега хватало на всю зиму, чтобы кататься с ее берегов на санках и лыжах. На самой речке расчищали площадку, устанавливали сделанные собственными руками ворота, и клюшки там стучали до позднего вечера. А еще мы любили кататься на самокатах, которые были у каждого пацана. Это сбитые между собой две доски сантиметров по 30—40; к ним крепились пара коньков. Дальше нужно было найти толстую проволоку, из которой делались пики для отталкивания — и дело сделано! Становишься колесочками на досточку и, отталкиваясь острыми пиками, пересекаешь по льду. Были среди мальчишек умельцы, делавшие управляемые самокаты на трех коньках.

Весной Бурхановка радовала все окрестности лягушачьими концертами. Наверное, у лягушек начался брачный период, и они оглашали окрестности своим мелодичным кваканьем.

Но несколько раз Бурхановка показывала свой норов. После длительных обильных дождей она выходила из своих берегов и далеко разливалась по

улицам. При мне вода доходила до Крестьянской (Красноармейской). У нас в доме вода была три раза. Первый раз это случилось в первой половине пятидесятых. Водой оторвало крыльцо, и нас — детей — через окно подняли на крышу, откуда мы наблюдали, как по речке несло много домашних вещей, которые люди не успели спасти.

Через 3—4 дня вода уходила. И жизнь продолжалась, как ни в чем не бывало.

Как мы жили — не тужили

Благовещенск в годы нашей молодости выглядел совсем по-другому: ну деревня деревней! Правда, большая. Но постепенно из большой деревни он стал превращался в город. Хотя и провинциальный, я бы сказал, патриархальный, но уже город.

Сама атмосфера города и природа в нем и вокруг него были тогда другие. Особенно это становилось заметным весной и летом. В это время в воздухе летало огромное разнообразие всяких насекомых. В мае появлялись крупные жуки с черной блестящей спинкой. Мы их называли майскими, скорее потому, что они появлялись в мае. Их нетрудно было поймать. Привязывали к ножке нитку и отпускали. Можно было держать жука на привязи, а можно было отпустить и он летел, а нитка развевалась у него за спинкой.

А какое количество различных стрекоз кружилось: от сантиметровых и до чуть ли не 10-сантиметровых. С ними по обилию соперничали бабочки и мотыльки. Беленькие бабочки — мы их называли капустницы — даже в счет не шли. А вот красавцы-махаоны — это другое дело. Махаоны были двух расцветок — черно-фиолетовые и желтые. Сейчас их можно увидеть в нашем музее, как артефакты. У многих детей, особенно девочек, имелись сачки, которыми они этих бабочек ловили.

*Цветова Анна (будущая жена Анатолия Рубцова),
во дворе дома по ул. Театральная, д.б.
г.Благовещенск, 1959 г.*

Небо пронизывали стремительные ласточки. Все знали примету: если ласточки аж стелются над землей—это к дождю. Иногда они красиво рассаживались в ряд одна к одной на проводах—видимо, наступал коллективный отдых. И такая картинка живо напоминала нотный стан, я подобное видел в нотной тетради на столе у учительницы пения.

Кроме привычных комаров, покоя нам не давали оводы (еще их называют пауты) и слепни. В жару, когда этой гадости вокруг кружит множество, как вопьется какой из них в тело—ох и болгоче! И не прихлопнешь сразу: не успеешь рукой взмахнуть—а его уже нет! А место укуса потом вздувается и долго чешется. И чего еще было в изобилии, так это мух. В каждой семье на подоконниках стояли блюдечки, в них лежали листочки с рисунком крупной мухи и налита вода. Все это называлось «мухомор». Мухи пили эту воду и дохли. Затем пришли передовые технологии—лишние ленты. Они висели с потолка во всех продуктовых магазинах, а на них прилеплялись мухи. На иных лентах их было черным-черно!

На Амуре у берега вечером по-над водой роились небольшие белые мушки. Мы их между собой называли пятиминутками—кто-то объяснил нам, что они живут пять минут, но за это время успевают произвести потомство. Не знаю, так ли это в действительности, никогда не приходило в голову самим в этом убедиться.

На тополях обильно сидели гусеницы — лохматые, жирные, ленивые, приличные по размеру — от 3 до 5 см длиной. Мы с ними вели непримиримую борьбу.

Вот кого на улицах тогда не было, в отличие от сегодняшних дней, так это бесхозных, грязных, глухих и совершенно наглых голубей-попрошаек. Голуби в то далекое время были признаком некоей статусности. Владелец семейства голубей был человеком в окружающей среде уважаемым, хотя бы по той простой причине, что в любом случае это был человек увлеченный, знавший всех своих птиц «в лицо», умевший издали отличить своих от чужих по манере летать, по окраске крыльев, да мало ли как еще. Он знал досконально все о каждом породе, об истории этих птиц, он ухаживал за ними, как за маленькими детьми. Голубь в наше время считался достоянием, птицы передавались чуть ли не по наследству. Из-за голубей иногда даже устраивали драки квартал на квартал. Их покупали, меняли, дарили, даже, случалось, воровали и они всегда имели цену и хозяина. Голубятник — это было звание.

По поводу голубей меня до сих пор коробит одна жуткая, прямо скажу, история.

Главным голубятником на нашем квартале был Валерка Епифанцев. И вот однажды у него чужая кошка поймала и съела голубя. Орава пацанов поймала ту кошку, привязали ей на шею камень и бро-

сили в Бурхановку. Но камень оказался недостаточно тяжел, чтобы утащить ее на дно. Бедняга уходила под воду, выныривала, опять уходила, как пловец стилем баттерфляй. Тогда ее стали добивать камнями и, наконец, утопили. Вот такие царили тогда нравы. Впрочем, нравы одинаково жестоки во все времена. Разве что со временем лучше маскируются... Да, было у нас и такое, о чем стыдно вспоминать и не будешь рассказывать внукам.

Немного о зеленых городских насаждениях. Буквально несколько десятилетий назад Благовещенск считался, пожалуй, самым зеленым городом в стране. И это без всяких преувеличений. Иногда с конца одного квартала невозможно было разглядеть его другой конец — весь обзор закрывали плотные ветви деревьев. Главное древесной породой основатели города в свое время выбрали тополь. Это спасало город от переувлажнения, так как тополь жадно сосал воду из почвы. В те годы город был весь в тополях. В июне на Благовещенск опускался туман из тополиного пуха. Пух лез всюду: в нос, за шиворот, в карманы, под рубашку... Мы его любили поджигать, он горел, как порох. Бывало, бросишь спичку в тополиный пух, одеялом расстелившийся по земле, пламя быстро расползается, а из окон старушки ругаются, кулачками машут, дескать, вот я вам, хулиганы!

А еще забава была забивать в велосипедные насо-

сы тополиные почки — пока они еще не распустились и не дали пуха — и стрелять ими, как своеобразными упругими пулями. Играли так в войнушку. Иногда из засады весьма ощутимо прилетало то по щеке, то по уху. Слава богу, глаза у всех оставались целыми.

Прошло время и по чьему-то велению тополям была объявлена война. Конечно, состарившиеся деревья при их размерах становились опасными, особенно при сильном ветре. Но есть же процесс обновления зеленых насаждений, когда, выкорчевав одно дерево, тут же сажают другое. К сожалению, у нас до этого не дошло и деревьев, особенно тополей, стало намного меньше.

Еще в городе было много черемухи. Редко в каком дворе она не росла. И когда она начинала цвести, Благовещенск пропитывался умопомрачительным ароматом. А когда поспевала ягода! Вот тогда нас невозможно было согнать с дерева. Сидели на ветках, дотягивались до спелых гроздьев и набивали ароматнейшей, сладчайшей ягодой рот! Рубашки, понятно, были все в лиловых пятнах от сока раздавленных ягод, языки были у всех черными, ну и вокруг рта тоже красовалось фиолетовое пятно! Каким это было наслаждением! Нынешним пацанам (да и девчонкам тоже, наши подружки вместе с нами лазали по деревьям!) не понять. Сейчас и черемухи-то почти не осталось. Зато вот сирени тогда

почему-то не было. И когда наш дружок однажды съездил в Киев и потом говорил, что там сирень на улицах растет, мы не очень-то ему верили.

Редко у какого пацана не было рогатки. Существовали даже каноны правильной рогатки. Рогатка с черной резиной презиралась. Должна быть резинка красная или белая. Особенно ценилась белая — ее можно было срезать с противогАЗа — мягкая и тягучая. И у рогатульки, то есть у конца развилки, был свой обязательный размер: два пальца. Был образец и камушка для рогатки. Ладно бы мы стреляли по мишеням — куда ни шло. Но пуляли-то по воробьям. Кстати, по ласточкам стрелять запрещалось. Ходили специально на охоту в роЩИ и туда, где много деревьев. И были такие охотники, что убитыми ими воробьями можно было накормить целую бригаду. Но, понятно, добычу отдавали своим кошкам.

Одним из самых востребованных, а потому многолюдных мест в городе считался базар. Именно базар, а не рынок, как говорят сейчас. Тогда в обиходе и слова-то такого — рынок — не существовало. Выглядел наш базар так. Вдоль Кооперативной улицы шли «холодные ряды» — это не отапливаемые торговые помещения типа магазина. Вдоль Красноармейской тянулся мясной павильон. Мы в него заходили исключительно для того, чтобы посмотреть, как мясник огромным топором разделывал туши.

Виртуоз! Мастер своего дела! Паганини мясного топора!

С западной стороны, тоже вдоль всего квартала, тянулись торговые точки вроде сегодняшних ларьков, но сплошным, единым целым рядом и с открытым фасадом. На южной стороне располагался главный павильон. Там люди торговали продуктами со своих хозяйств. Когда урожай помидоров был хорошим и у нас, мать тоже продавала их в этом павильоне.

Внутри всего базарного пространства стояли желтые бочки с квасом, за которым всегда толпилась очередь. Особенно, когда привозили свежий, еще холодненький! Кто-то набирал в трехлитровые банки и бидоны — домой, для окрошки, кто-то возле бочки выпивал свой бокал. Продавщица тут же споласкивала возвращенные ей бокалы под струей воды из приборчика, вмонтированного в бочку, и иногда струя, сверкая под солнцем, весело попадала на очередного покупателя. То место, что конкретно называлось базаром, просуществовало довольно долго, до середины 70-х.

Но на базаре, в основном, продавались продукты. А всё остальное покупалось на барахолках.

Барахолка — это большая торговая площадка куда по воскресеньям съезжались люди и торговали кто чем мог — в пятидесятые годы их насчитывалось целых две. Одна находилась на Крестьянской

площади между улицами Октябрьская-Крестьянская и Шевченко-Торговая. Помню, что я был там с родителями и нам с братом купили кровать. До этого мы спали на полу.

Вторая барахолка находилась между Кооперативной (Амурской) и Зейской, а также между Ремесленной (Чайковского) и Бурхановской (Пушкина). В народе ее называли Ремесленный базар.

Затем барахолку с Крестьянской площади убрали, а Ремесленный базар действовал до середины 60-х годов. Потом в этом месте стали строить жилые дома и в одном из них моя мать получила квартиру, когда мы с братом служили в армии.

Почему эти места продаж назывались барахолками? Да все очень просто: продавали там всякое барахло. Но это я условно: «барахло». На самом деле там продавались вполне нужные вещи, просто, чаще всего уже побывавшие в употреблении. Ношенная, но чистая одежда, всяко-разный инструмент — топоры и молотки, косы, пилы и лопаты. Здесь же можно было увидеть и старенькую гармошку, и балалайку, и потрепанные, уже зачитанные книги, и картины художников-самоучек, да много чего на любой спрос, на любой вкус, на любой кошелек.

Зачастую на базаре, на барахолках, да и в других людных местах, возле магазинов, например, можно было увидеть нищих инвалидов. Не самая приглядная картинка моих воспоминаний. Они сидели у

касс, подкатывали на самодельных колясках, на которых вместо колес приспособлялись подшипники, к очередям у тех же квасных бочек и просили милостыню. Кто пел песни, стараясь вышибить у прохожих слезу, кто просто протягивал руку или кепку, кто приторговывал чем попало... Среди нас, пацанов, бытовало, что это покалеченные на войне фронтовики, а кто-то говорил, что это бывшие заключенные... Кто знает? Наверное, правды, как всегда, было две.

Еще на улицах в центре города стояли автоматы с газированной водой. Находились умельцы, которые, не бросая в щель монеты, ударом кулака в нужное место, наполняли стакан газировкой.

Я попытался вспомнить ту атмосферу города, в которой проходили наше детство и юность. Мы жили-не тужили, дни наши были заполнены учебой, домашними обязанностями и самыми разнообразными многочисленными увлечениями, мы были совсем еще детьми и впереди нас ждала огромная, счастливая жизнь...

*Так «добывали» воду. Анатолий Рубцов с коромыслом
на крыльце дома по ул. Северная, д. 156.
г. Благовещенск, декабрь 1960 г.*

СКОЛЬКО БЫ НИ СТОИЛО, ЛИШЬ БЫ НЕ ДОРОГО

Не могу не отметить ту составную часть нашего бытия, которая называется торговлей. Хотя бы по той простой причине, что мы, шпанцы, были активно вовлечены в торговый процесс. Сейчас это кажется странным, но в пятидесятые годы это было естественным проявлением эпохи и никаких истерик ни у кого не вызывало. Мы, формулирую это так, жили вполне себе взрослой жизнью, только были очень маленькими.

Нас, пацанов, будили очень рано и посылали вместе со взрослыми за хлебом. Мы ходили в хлебный магазин на улице Кооперативной. Он располагался в большом деревянном доме, ближе к улице Пионерской. Собираясь у магазина, люди не занимали очередь, а, в ожидании открытия, толпились у дверей. Кто помалкивал, кто вполголоса обсуждал последние новости и слухи, мы, пацаны, тоже о чем-то своем болтали... Как только двери отворались, толпа вваливалась внутрь и растекалась налево и направо. По разным сторонам в помещении стояли прилавки, за которыми продавали хлеб. Особенностью той торговли было то, что продавали его на вес. Причем, весы были не со стрелкой на циферблате, а чашками с гирьками. Норма отпуска — 1 кг в руки. Если булка весила больше кило-

грамма, продавец специальным длинным ножом на подставке отрезал лишнее. А если не доставало до килограмма, то добавлял кусочек. Возвращаясь домой с хлебом, мы этот кусочек с апетитом съедали. Мы, ребята с нашего квартала, ходили всегда группой человек по 7—8.

Помимо хлеба, походы за которым были регулярными, нас постоянно, особенно перед праздниками, посылали занимать очередь то за мукой, то за крупой, то за рыбой. Взрослым откуда-то становилось известно, что в какой-нибудь магазин завезли дефицитный товар, и нас с раннего утра посылали занять очередь. А уже к открытию магазина подходили сами взрослые. Чаще всего редкий товар завозили в магазин Военторга, который все называли «генеральским». Понятно, что у военных снабжение было куда получше...

Очереди были родимым пятном того времени. На очередях нам, мальчишкам, удавалось даже подзаработать. Скажем, идем на Амур купаться мимо гастронома на улице Пионерской. У дверей толпится народ, что-то «выбросили» (было такое выражение, означавшее, что на прилавке появился редкий товар). Нас останавливают, и тетки из очереди просят встать при покупке товара с ними рядом, чтобы взять товар на двоих (норма в одни руки действовала строго). Давали за это рубль. Напомню, что мороженое тогда стоило от 90 коп. до 1 руб.30 коп.

Еще с одной теткой не отстоял, а тебя уже завербовали другие 3—4 тетки. В удачный день удавалось и до 10 рублей каждому заработать! А очередей за чем только не было — и за рисом, и за макаронами, и за гречкой... Жили-то не сытно: и после войны еще не оправились, и просчеты в экономике сказывались. Но мы, ребята, в том возрасте про экономику ничего не знали, воспринимали все как естественное течение жизни, и были вполне счастливы...

Интересно, что слово «дефицит» тогда не звучало, хотя дефицитом, как я уже отметил, было все. Необходимые по тому времени продукты и товары приходилось «доставать», то есть использовать какие-то знакомства, добрые отношения, то есть — «блат». Это слово живо до сих пор.

Как ни странно, условий для культурного питания тогда было больше, чем сейчас. Существовали торговые точки, не просто торгующие вино-водочной продукцией, но и где можно было культурно выпить. Стояли столики, продукцию продавали на разлив, имелась закусочка. Встретившимся друзьям не в подворотне можно было отметить встречу, а во вполне нормальных условиях. Некоторые «забегаловки» неофициально носили экзотические названия: «Голубой Дунай», «Коромысло», «Ржавый якорь». На углу улиц Пионерской и Кооперативной стояло заведение, которое называлось «Узбеквино». В нем привлекали внимание установленные

горизонтально одна на одну бочки с краниками, наполненные вином. И, конечно, стояли столики. Постоянным посетителям даже давали бесплатно дегустировать вновь завезенное вино.

Бедновато было с детскими игрушками. Для девочек продавались целлулоидные девичьи головки. Родители шили тряпичное тело куклы и пришивали к ней эту головку — и все, игрушка готова! Потом стали появляться большие целлулоидные куклы-пупсы. Почему их так называли — не знаю, но может быть и потому, что продавались они без одежды, без костюмов, что называется, голенькие. Ну, от слова «пуп» и пошло прозвище... За этими пупсиками в магазинах шла настоящая охота: уж очень любили с ними возиться девчонки. Впрочем, ничего другого и не было.

Для ребят в памяти осталась заводная игрушка — мотоцикл. Кое-кому родители сами делали грузовые игрушечные машины, автоматы для войнушки. Игра в нее была одной из самых распространенных у мальчишек.

Как-то незаметно, без всяких шумных реформ и перестроек, пищевая и легкая промышленность набирали обороты, что сказывалось и на торговле. Нас уже перестали рано будить за хлебом, витрины магазинов уже не вмещали поступающий товар, в магазинах появилась мебель местного производства: диваны, платяные шкафы, комоды. Увеличива-

лось количество сортов сыра и колбасы, сливочное масло было соленое и несоленое, белое и желтое, шоколадное, фруктовое, медовое. Селедка — на все вкусы, в том числе маринованная. Появилось много сортов чая, среди них — плиточный. Нынешнее поколение не знает, что такое сахар-рафинад. Многие думают, что состоящий из маленьких кубиков сахар в пачках это и есть настоящий рафинад. Нет, настоящий рафинад — это больше куски сахара, размером с небольшой кулак. Он был твердым, как камень, и его надо было колоть, сильно ударя по нему. Существовали специальные щипчики, чтобы откусывать кусочки поменьше. Считалось, что крупный рафинад слаще пиленого. Опять же, растворялся он во рту значительно медленнее пиленого, а потому пить чай с ним вприкуску, было выгоднее.

Популярностью пользовались пирожковые. Они были обустроены так, что прохожие видели, как пекари снимали с плиты горячие пирожки и в открытые проемы по лотку спускали их в торговый зал. Один только запах возбуждал зверский аппетит. Выбор был на все вкусы: с мясом, рыбой, ливером, рисом, морковью, капустой, повидлом, яблоками! Кроме стационарных пирожковых, в городе то там, то здесь — в зависимости от скопления народа — организовывали продажу на передвижных тележках, к которым подвозили горячие — с пылу с жару — пирожки. Хрустящие, духовитые и вкуснющие-прев-

куснющие! Где, в каком месте сегодня можно съесть такой пирожок?! Нигде! Никакой потребнадзор не позволит, опасаясь инфекции! А тогда — ничего, никто ни разу не отравился... Кстати, цена за пирожок — 50 копеек, позволяла не голодать даже «бедному студенту».

Крупных магазинов-сетей, типа «Кэш-энд-Кэрри» тогда не было. Более-менее больших было немного: гастрономы на ул. Ленина и Пионерской, «Дежурный» на Кооперативной, два универмага (на ул. Пионерской и ул. Кооперативной). В этих магазинах система торговли была через кассу. Сначала надо отстоять в кассу, рассчитаться за товар, получить чек, а потом встать в очередь, чтобы получить товар. Но было по всему городу и много маленьких магазинчиков — «деревяшечек» — с набором самых необходимых продуктов. Рядом живущие жители называли их «нашими», продавец и покупатели знали друг друга в лицо, и потому продавец мог покупателю дать товар и в долг. В таких магазинчиках работал один продавец без всяких касс.

Где-то в середине шестидесятых появилась торговля в кредит, быстро завоевавшая популярность. Стали пробовать торговлю без продавца. Первым таким опытом стала продажа спичек. Стоили они всего копейку за коробок. На прилавке стояла пирамидка со спичками, а рядом некое подобие копилки, куда следовало опустить монетку. Но менталитет

русского человека не допустил такого издевательства над возможностью что-то умыкнуть, и эту новацию вскоре свернули.

Нужно отметить, что в те времена без всякого импортозамещения все товары, практически, были отечественные. Под новый год завозили корейские яблоки, да откуда-то мандарины. Все. Мы тогда даже не знали, что такое кофе. Но не переживали из-за этого. Мало ли что еще есть на белом свете...

Очень сильным стабилизирующим фактором в социальной атмосфере общества того времени являлось постоянство цен, которые не менялись десятилетиями. У абсолютного большинства семей зарплаты были небольшие. Но неизменные цены позволяли планировать семейный бюджет на длительную перспективу. Можно было откладывать деньги на покупку дорогой вещи, не беспокоясь, что стоимость ее может подскочить. Это очень важный и социальный, и экономический фактор, который мы, к сожалению, утратили.

Но надо отдать должное нынешним временам: по насыщенности товарами нынешние магазины и магазины нашего детства и молодости — это, как говорится небо и земля. Почему нельзя было заполнить магазины товарами из-за рубежа — непонятно. Понятно одно: интересы людей были отодвинуты в сторону из-за каких-то других интересов.

В провинции и дождь развлечение

Точки притяжения

Жизнь наша текла своим чередом, без каких-то катаклизмов, как небольшая речка. Мы жили за пределами политических, социальных и государственных страстей. Мы жили своими подростковыми интересами. У нас были свои увлечения и развлечения. Некоторые развлечения хочу выделить, ибо они касались, практически, всего нашего поколения. Было три точки притяжения, которые, наверное, не миновал из нас никто.

Первое такое место — кино. Мы не пропускали ни один новый фильм. Но о кино я уже говорил.

Вторая точка притяжения — танцплощадка. Их в городе было несколько — и открытых, и в помещениях. Некоторые из них вдруг становились сверхпопулярными. Я и сейчас не могу найти объяснение — как, с какого перепуга, вдруг, ни с того ни с сего непрезентабельного вида клуб строителей, находившийся у черта на куличках, где-то в районе улиц Северная и Загородная, стал таким местом, куда каждый считал своим долгом сходить. Между собой все называли этот клуб весьма звучно — «Франция».

Другое место, тоже ставшее популярным (и тоже вдруг), называлось «Бикса». Оно находилось в другом конце города и было обустроено в клубе конди-

терской фабрики на улице Лазо. Ну, там хотя бы все выглядело прилично.

На танцы в ДОСА предпочитало ходить более старшее поколение.

Главной танцевальной площадкой Благовещенска считалась горпарковская. В вечерние часы от обилия посетителей она гудела как работающий мотор, и этот звук был слышен уже у входа в парк. С тех давних времен в моей душе поселилась песня:

*«В городском саду играет
Духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест» ...*

По субботам и воскресеньям танцплощадка была переполнена. Опытные ходоки билетов не покупали. Они на входе в парк встречали знакомых, уходящих с танцплощадки, и брали у них контрамарки, которые контролеры выдавали тем, кто выходил на время—покурить или еще по какой надобности. Кто-то возвращался, кому-то контрамарка уже не пригождалась и ее отдавали тем, кто хотел попасть на танцплощадку без билета. Рисунок контрамарки постоянно менялся.

Надо сказать, что многие молодые люди, особенно юноши, шли на танцплощадку совсем не танцевать. Они приходили общаться. Там собиралось много знакомых, проживавших в разных районах

города, так что было о чем поговорить при встрече. Сейчас подобное явление называется тусовкой.

Каждому временному периоду на площадке соответствовала свое музыкальное сопровождение. В пятидесятые годы доминировал духовой оркестр. Затем его сменил эстрадный. А к концу шестидесятых стали популярными вокально-инструментальные ансамбли (ВИА).

В пятидесятые годы в танцах преобладали вальс, танго, фокстрот. Их нужно было уметь танцевать, они требовали знания характерных телодвижений, приемов, способности легко двигаться, и без навыков и хотя бы небольшой подготовки на площадке оставалось только глазеть на кружащиеся пары, чтобы не выглядеть смешно.

Но вот с появлением ВИА танцы упростились. Нужно было просто ритмично двигаться в такт музыке, а можно было даже и не двигаться, а просто дергаться. Иногда образовывался круг из танцующих и в этом круге — делай что можешь. Было заметно, как с изменением музыки, менялась публика. Она молодела.

Надо учесть, что мы уже засматривались на девочек, и первые тесные соприкосновения в те времена происходили именно во время танца.

Бывало и так: тебя могла пригласить на танец незнакомая девушка, потом еще раз и, наконец, просила тебя проводить ее домой. А дом этот мог ока-

заться в такой тьмутаракани, что полночи будешь домой добираться! Но это полбеды: а ведь еще и местные пацаны могли чужаку и морду набить (ой, извините, я хотел написать «поколотить»).

Для нашего поколения танцы были не просто развлечением, через них мы входили в сложный мир взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Зимой точкой притяжения считался каток. Я уже упоминал об этом, но хочу кое-что добавить. В принципе, то, что происходило на танцплощадке, повторялось и на катке. Я имею в виду то, что основной целью всех встреч — было общение. Так вот о катке. Заливали его на стадионе «Динамо». Здесь нужно было сдавать в гардероб верхнюю одежду. Не будешь же рассекать по льду в зимнем пальто, держа в руках валенки. А гардероб-то безразмерный! И народищу там! Однажды, закончив кататься, я пошел получать одежду. Захожу в павильон, где была раздевалка, а перед окном выдачи — огромная толпа, желающих сдать одежду. И ее не принимают, ждут, когда освободится крючок. Остановился я растерянный перед толпой. Тут меня сразу заметили: «Что, пацан, получать одежду? Давай номерок!». Номерок я не отдал. Тогда парни подняли меня над собой и, передавая друг другу, доставили по воздуху к окну выдачи одежды и точно также — обратно. Я навсегда запомнил этот эпизод.

*Анатолий Рубцов с коньками и хоккейной клюшкой
во дворе дома по ул. Северная, д. 156.
г. Благовещенск, декабрь 1960 г.*

Другая очередь стояла к точке коньков. До сих пор я помню специфический запах и те брызги искр, что вылетали из-под с визгом крутящегося наждака.

Над стадионом не смолкала музыка и нередко пары парни и девушки, держа друг друга за руки, под эту музыку на коньках танцевали.

Каток — это не только лед. Это и помещение, где можно было и передохнуть, погреться и пообщаться. Некоторые ребята только ради этого и приходили на каток, не считая нужным брать с собой коньки. В павильоне вдоль стен стояли низкие скамейки, на них и располагалась тусовка.

Что характерно, ни на танцплощадке, ни на катке я не могу вспомнить, чтобы были какие-то скандалы, драки. По логике, они должны были быть, но я не видел этого. Более того, я был несколько раз и свидетелем, и участником, когда отмечали какое-то событие на катке. Не в кафе, а именно на катке.

Считаю, что нам повезло, что были в нашей жизни и танцплощадка, и каток. Потому что это были дружеские встречи современников. Другого такого места, где могли собраться вместе такое количество сверстников, не было. Его нет и сейчас. А у нас было!

Приметы минувшей реальности

Так получилось, что наше поколение совершенно незаметно, вполне обыденно в бытовом отношении перешло, условно говоря, от каменного топора к электронным приборам, по-современному выражаясь — к гаджетам. Полагаю, что в 50—70-е годы ни один человек не объяснил бы значение этого слова.

В начале 60-х у Косицыных появился телевизор. Он был первым на квартале. И по вечерам к ним собирались соседи смотреть кино или «Голубой огонек». А квартиры-то были небольшими — две, редко у кого три комнаты. На стульях сидели те, кому их хватало, а остальные — если народу набивалось «больше, чем людей» — на полу. Это сегодня, чтобы встретиться, прийти к кому-нибудь в гости, нужно обязательно заранее договориться, созвониться-списаться, а тогда взрослые люди запросто собирались у кого-нибудь дома поиграть в домино, карты (очень популярная была игра «66») или в лото. В лото играли на деньги (копейки). Чуть ли ни у каждого бочонка с цифрами был свой «позывной». Например, если ведущий выкрикивал: «Чушки спят» или «Туды-сюды», то это означало «69»; если: «Барабанные палочки» — то все знали, что это — «11». А «Стульчики» — «44».

Днем неработающие хозяйки находили время сходить друг к другу в гости и поболтать о своем,

о женском. Время от времени по дворам ходили цыгане и им удавалось уговорить хозяек погадать. Слушали гадалок с некоторым страхом: а вдруг чего плохого нагадает! Но ушлые цыганки редко обещали плохое будущее, ведь за нехорошее предсказание могли и не заплатить!

Вообще, все жители околотка — не только пацаны — друг друга знали если не очень хорошо, то просто хорошо: ни у кого не было особых секретов. Люди по много лет жили рядом и уже воспринимались как родственники. Никто никому в те времена квартир не предоставлял, потому что их никто и не строил. И кому уже было неважно совместное проживание большой семьей, те строили собственный дом. Город начинал осваивать пустующие земли, предоставляя право строить на них собственное жилье. Желаящим выделялась земля и выдавалась денежная ссуда. Первые участки стали выделять за кладбищем, что на улице Северной, затем к этому участку добавился участок за железнодорожным вокзалом. Его называли Кукуевка.

Сейчас сложно поверить, диву даешься, но это при нашей жизни уют на углях сменился на электрический, а жестяную ванну и стиральную доску заменила стиральная машина. Мясорубка была в каждой семье, а сейчас и места не найдешь, где ее прикрутить. Потом ее заменила электромясорубка.

Или вот даже такая мелочь, как пишущая ручка.

До пятого класса писали ручками со сменным пером, обмакивая их в чернильницу. Чернильница у каждого была своя, и писать разрешалось не любым перышком, а остреньким, чтобы и буквы, и цифры получались с нажимом. В пятом классе появились наливные ручки. Но они с трудом пробивали себе дорогу, так как писание ими не поощрялось. А вот что такое шариковая ручка, о которой нам рассказывала пионервожатая, мы толком понять так и не могли. Пока уже—значительно позже, сами не увидели ее. А многие ли помнят, что на Пионерской—там сейчас Ростелеком—стояла деревянная избушка от КБО (комбината бытового обслуживания населения), в которой находился специальный аппарат, запровадывший стержни шариковых ручек пастой! А вы говорите «гаджеты» ... Какие гаджеты, когда только-только появившиеся электрочайники казались чудом!

Периодически заезжал на квартал собачник. На запряженной дряхлой лошадей телеге стояла железная клетка, а в ней бесновались бездомные псы, видимо, чувствовавшие свое нерадостное будущее. Возница, он же собачник, клещами с длинными ручками ловил животных и помещал их в клетку. Пацанов просил помочь, а за это расплачивался резиновым шариком или свистулькой. И, помню, сколько радости мы испытали, когда собачник погнался за очередной жертвой, а кто-то из пацанов

открыл клетку и все псы разбежались. Было твердое убеждение, что собак возят в цех, где из них варят хозяйственное мыло. Попутно отмечу, что прошло более 60 лет, а проблема бездомных собак так и не решена.

Более мы были рады старьевщику, приехавшему тоже на телеге. Он собирал макулатуру, кости, цветной металл и тряпье. У него были весы — расчет шел на вес. Женщины его ждали с нетерпением, поскольку рассчитывался он разноцветными нитками мулине. А вышиванием тогда занимались все. Как из волшебного сундука доставал он из большого, выдавшего виды чемодана, пылившегося на телеге, красивые нитки. Нам, ребятне, доставались какие-нибудь невиданные безделушки — то трубочки для пускания мыльных пузырей, то пищалки, то игрушечные носы из папье-маше...

Самым ходовым транспортом в те времена был велосипед. На нем — везде: и в магазин, и на рыбалку, и к знакомым, и хоть куда. Рядом с предприятиями для них устраивали специальные стоянки — рамки. К ним велосипеды пристегивали замками. На улицах двухколесного друга тоже не оставляли просто так: прислонив к стенке, например, у магазина, обязательно вешали замок на «большую звездочку».

Мужиков-велосипедистов выдавала прицепка, которой пристегивалась снизу штанина, чтобы ее не заела цепь.

*Рубцов Анатолий на трофейном велосипеде «Диамант»
во дворе дома Асакаловых по ул. Пионерская, д. 104.
г. Благовещенск, 1959 г.*

Жизнь улучшалась, и пацаны — те, у кого родители могли позволить дорогую покупку — тоже стали садиться на велосипеды. Выбор был небольшой. Среди подростковых марок спросом пользовался «Пионер» — аккуратненький черненький велосипед. Но вскоре сверкнул яркой звездой голубенький «Орленок».

Мы же, большинство мальчишек, примерялись к взрослым велосипедам. Все знали самые известные отечественные марки: «ЗиФ», «ГАЗ», и «МВЗ». Но бегали в городе и трофейные велики, привлекавшие всеобщее внимание. Такой велосипед — «Диамант» (с оригинальным решением конструкции тормоза, чуть пониже наших, советских, — как-то поприземестее, мы его даже сравнивали с танком,) — имелся на нашем квартале у братьев Асакаловых.

Для девочек появилась «Ласточка». Девчачьи (вообще — все дамские) велосипеды выглядели просто шикарно: конструкция рамы позволяла при посадке не закидывать высоко ноги — это раз, заднее колесо обрамляла цветная сеточка (а потому они имели праздничный вид) — это два, казались они какими-то невесомыми — это три, а самое главное — всегда приятно смотреть на спортивных девушек. Разве не так?

Кроме привычных видов транспорта дороги Благовещенска бороздил и транспорт весьма экзотический. Люди держали коров, коз, свиней, и лучшей

добавкой в корм являлась барда — так назывался продукт отходов от производства спирта. В городе находилось два спиртзавода, и они продавали населению эту барду. Владельцы скота ставили бочку на тележку, впрягали в нее корову — и в путь, на спиртзавод. Такого транспорта по городу ходило немало.

Сейчас на запуск космического корабля никто и внимания не обращает — привыкли. А наше поколение — и взрослые, и дети — выскакивали поздним вечером на улицу и искали в небе движущуюся звездочку — первый искусственный спутник земли. А на следующее утро друг у друга переспрашивали: «А ты видел?», «А ты видел?».

Еще приметой того времени были небольшие будочки, в которых работали уличные сапожники. Потребовалось починить обувь — 15 минут и все готово. У мастеровых рты были утыканы маленькими — шляпками наружу — сапожными гвоздиками, которые они споро вынимали из сжатых губ, подбивая чью-нибудь обувку — это значительно ускоряло ремонт.

Жили мы все тогда каким-то полуобщинным строем, очень небогато, что нас сблизало. Хотя родители занимали полярные должности. У Юрки Никитина отец был полковником, у Манаковых — директором фабрики, у Цюк — директором маслозавода. А у других отцы были и грузчиками, и рабочими, и водителями, и кочегарами. Но бы-

вая друг у друга, мы не видели особой разницы в уровне жизни. Мебельных гарнитуров еще не было, обстановка у всех была одного набора: стол, кровати, шкаф, диван, этажерка, табуретки... И скажу откровенно, мы были хоть и небогатыми, но вполне счастливыми хотя бы еще и потому, что не знали этого. Мы были — как все, и этого нам вполне хватало для счастливой жизни.

Ничего не зная о своем будущем, пока только напиваясь днем сегодняшним, набираясь опыта, учась поведению, мы, тем не менее, временами говорили о том, как станем летчиками, водителями, футболистами, врачами. Мечтами назвать такие мысли было нельзя: они приходили в голову, когда, например, высоко в небе пролетал самолет, или по улице вдруг пробежал автомобиль, или после похода на стадион, когда мы радовались красиво забитому мячу.

Мы еще не знали, что будущее таит в себе не только радость приобретений, но и горечь потерь. Я учился в третьем классе, когда нам пришлось прощаться с нашим товарищем Толей Шелковниковым, который, катаясь на велосипеде, попал под машину и погиб. И это было только начало.

Купаться на Амур мы уходили на целый день, в поход за Зею — на целый день, за орехами — на целый день, на плоты — на целый день. На Амуре от улицы Красноармейской и до лесозавода (ул.

*Семья Рубцовых: Полина Филипповна — мать (в центре), Виктор — брат (слева),
Вера — сестра (справа). Во дворе дома по улице Северная, д. 156.
г. Благовещенск, 1959 г.*

Островского) у берега стояли плоты. На плотях мы ловили рыбу особым способом — на банки. Берется обыкновенная стеклянная банка, ее металлическая крышка вырезается так, чтобы острые концы опускались внутрь банки, затем в нее насыпалась наживка (чаще всего — жмых), потом на леске банку опускали в воду, привязывая к проволоке, которой были связаны плоты. Рыбки внутрь легко проникали, а выбраться назад им не позволяли острые углы вырезанной крышки. Через некоторое время банку поднимали и вытряхивали рыбок. И — по новой! Главным образом ловили для котов и кошек,

но иногда, при хорошем улове, рыбы хватало и на жареху для семьи. Почему-то мы не брали с собой даже куска хлеба. Возвращались вечером домой голодные и сметали со стола всю нехитрую снедь.

Изредка мы ходили на ипподром. Там проводились бега. Об этих соревнованиях сообщали развешенные по городу афиши на белых листах бумаги. На них изображалась лошадка с коляской и крупными буквами было написано: «Бега». Бега — это когда седок управляет лошадыю, сидя в коляске, а скачки — это когда всадник верхом на лошади. Но ипподром нас не очень привлекал. Другое дело, когда на том квартале — а он занимал большую площадь! — стали проводиться Выставки достижений народного хозяйства! Нам нравилось там шнырять от павильона к павильону, тем более что билетов мы не покупали, проныривали без них — «хиляли», как говорили тогда.

Обязательным ритуалом для всей нашей компании были субботние походы в баню. Народу в этот день там набивалось, как селедки в бочке, поэтому в очереди сидели не менее часа. Почему выбирали субботу — ну, потому что в большинстве семей именно по субботам меняли постельное белье, — так было заведено.

Сейчас в обычную общественную баню я босиком бы не зашел, а тогда мы запросто шлепали по валявшимся листьям от веников, обрывкам вехоток,

обмылкам, грязной мыльной воде... Случалось, какой-нибудь дед просил потереть ему спину вехоткой. Хотя нам это и не нравилось, но, уважая старость, терли.

Класса с пятого мы более плотно начали приобщаться к тому, что нас увлекало, стали записываться в интересующие нас кружки и секции, которые были бесплатными. Некоторые наши пацаны стали ходить кто на духовой оркестр, кто в кружок авиамоделистов — в общем, интересных занятий хватало.

Мой отец занимался фотографией. У него был фотоаппарат на треноге и при съемке он накрывался накидкой. Когда я подрос, в продаже появились фотоаппараты «Смена», и мне родители сделали бесценный подарок. Нажимать-то на затвор было легко, а вот далее... Надо было подобрать пленку нужной чувствительности в зависимости от того, что, где и в какое время суток ты будешь фотографировать. Зарядить пленку в кассету в полной темноте. При съемке правильно поставить нужную выдержку, диафрагму... Это целая наука, которую даже маститые профессионалы постигают всю жизнь! Так что мои первые проявленные пленки были «черно-белое кино». То есть, половина кадров белая, половина черная. Но процесс потихоньку пошел.

Чудодейственная процедура — печатание фотографий. Вот ты, набравшись терпения проявил пленку в разных растворах проявителя и закрепи-

теля, промыл ее, высушил, подвесив на прищепке к бельевой веревке. Вот ты ночью, занавесив окно в комнате (не дай бог малейший свет попадет на фотобумагу — все, конец, засвечено!) заперся в комнате, вот включил фотоувеличитель (неуклюжий прибор на штативе). Далее кладешь листик фотобумаги под фотоувеличитель, отодвигаешь красное стеклышко на несколько секунд и потом листик опускаешь в ванночку с проявителем и вот — ну не чудо ли?! — у тебя на глазах появляется изображение того, что ты снимал.

В те годы многие из нас собирали открытки, а когда появились почтовые конверты с картинками, то коллекционирование таких картинок по темам стало массовым явлением. Были среди нас и филателисты, но сравниться с Валеркой Епифанцевым было некому: у него мать работала на центральной почте и обеспечивала его марками по полной.

Насколько я помню, особых забот своим матерям мы не доставляли. Чувствуя себя абсолютно свободными, в некотором смысле даже беспашанными, вполне вольготно живущими, мы никогда не забывали о домашних обязанностях. Летом — огород: вскопать, полить, прополоть, собрать урожай. Зимой: заготовить топливо, топить печку, вынести золу. Для золы осенью в огороде выкапывали зольную яму, которую весной закапывали. Многие семьи держали живность (куры, утки, свиньи, козы,

коровы) и за всем этим надо было ухаживать. А носить воду с водокачки—это уж и зимой, и летом ежедневно в обязательном порядке и не по разу! Как и ходить в магазины.

Разве может сравниться сегодняшнее без разгиба спины сидение целыми сутками напролет в социальных сетях с нашим не знающим ни минуты покоя детством?!

Но это не в укор нынешним молодым: кто знает, что придет на смену сегодняшним гаджетам?! Так что, допускаю, сегодняшняя молодежь лет через 60 будет также ворчать на своих внуков, как я сейчас.

Просто у каждой эпохи свои игры, свои увлечения, свои правила игры. Свои правила жизни. Эпоха и диктует образ жизни каждого поколения. Главное, что неизменно во всех веках и для всех поколений (постараюсь без длинных нравоучений)—оставаться человеком и постоянно учиться.

Грустные страницы Книги бытия

Теперь о грустном и неизбежном. То, о чем я хочу здесь написать — неизменно на протяжении всей истории человечества. Это я о смерти. Глубокомысленно выразился великий Моцарт: «Смерть — истинная и конечная цель нашей жизни». И по законам мироздания, конечно, он прав. Мы с ней рано повстречались и шли рядышком всю жизнь. Я уже упоминал о раннем уходе из жизни нашего дружка Толи Шелковникова. Вскоре погиб еще один наш сверстник из соседнего квартала — он бросился под поезд. Что толкнуло его на такой шаг — никто не знал.

Я уже становился свидетелем ухода из жизни бабушек и дедушек с нашего квартала, но то были уже совсем старые в нашем понимании люди, и смерть их казалась нам естественной... Но вот похороны пацанов-ровесников выбивали из равновесия. Это заставляло размышлять о бренности бытия. Стою рядом с гробом, смотрю на умершего, которого хорошо знал, и что-то не складывается в голове. Вот лежит наш товарищ, совсем как живой. Все тело в норме, все органы на месте, а лежит, будто у него завод кончился... Ну как у заводной игрушки. Однако если игрушку можно вновь завести, и она заработает, то как вновь завести человека — за тысячи лет так и не придумали. Да и придумают ли?

*Главный вход и часовня Вознесенского кладбища.
г. Благовещенск, 1912 г. (не сохранились)*

Так как жили мы в районе кладбища, — часто перебирались по нему на соседние улицы, копали там червей, да и просто бродили среди могил, выискивая самые интересные надписи на памятниках, — запретной зоной для нас оно не являлось. Вообще, если разобраться, на Северной находилось два кладбища. Одно старое (его называли Вознесенское), другое более новое, оно возникло, когда перестали хоронить на Вознесенском.

Конечно, больше мы бродили по кладбищу старому. Вход на него был через красивые кирпичные арочные ворота. Несмотря на постепенное обветшание, разрушения, но еще не будучи разграблен-

ным, выглядело оно богато и напоминало музей под открытым небом. Там покоились династии купцов, промышленников, священнослужителей. Стояли удивительные надгробные памятники; семейные склепы будто спорили между собой своей непохожестью. Аккуратные аллеи, напоминавшие парковые, будто приглашали для прогулок, хотя какие уж тут гуляния в наполненном скорбью и печалью воздухе...

На новом кладбище красивых памятников, практически, не было. Деревянный крест, деревянная или металлическая тумбочка— вот и все. Даже бетонные с мраморной крошкой надгробия были большой редкостью. Их никто не делал, поскольку тогда не существовало индустрии похоронного бизнеса. На новое кладбище мы приходили по двум причинам: поиграть в карты и подраться. А что тут удивительного?! Да, иногда у нас между собой возникали драки. И чтобы никто не мешал честному поединку, договаривались идти биться на кладбище в сопровождении групп поддержки. Помахали кулаками— и хорош, вместе назад. Никаких последствий.

В родительский день мы делились на группы по 4 человека. Это оптимальное количество, чтобы шнырять по кладбищу: большую группу могли и не подзвать. Мы ходили между могилами, нас те, кто поминал близких, угощали чем-нибудь и просили кого-либо помянуть, иногда просто просили произнести: «Царствие небесное такому-то».

Угощения были простые: печенье, что-то изстряпни, конфеты, яйца-крашенки, блины. Походив по кладбищу часа 3—4, мы собирались у себя на квартале, делили поровну всю добычу и шли по домам. Когда я уже стал пионером, то, отучившись в школе, снимал галстук и присоединялся к группе.

Время шло и вот мы уже принимали участие в похоронах более старших наших товарищей. И все из-за каких-то несчастных случаев: утонул, зарезали, повесился.

В сентябре 1957 года тяжело заболел мой отец Василий Иванович Рубцов. Он поехал со студентами на сельхозработы, но вдруг досрочно вернулся. Его положили в больницу. И до 27 января его то выпишут, то вновь определят в больницу. Кто-то ему внушил, что надо продержаться до лета, а дальше он поправится. И отец, когда находился дома, с какой-то надеждой следил как прибавляется день. Заходящее солнце оставляло след на комнатной двери и отец карандашом отмечал его. И радовался его удлинению — лето ближе.

Последние дней семь он лежал в больнице. Мать каждый вечер навещала его, а я ожидал ее в каком-то оцепенении, бормоча про себя что-то вроде молитвы: «Хотя бы не умер, хотя бы не умер». И вот 27 января 1958 года она вернулась и выдохнула: «Отец умер». Было ему 48 лет.

Хоронили его из лесотехнического техникума.

Обряд похорон в те времена был несколько иным, нежели сейчас. Гроб с телом ставили в кузов грузовой машины с опущенными бортами. Туда же ставилась тумбочка. И похоронная процессия выстраивалась в следующем порядке: впереди несли знамя (предприятия или учреждения), затем женщины с венками, за ними товарищи покойного несли на плечах крышку гроба, затем машина, за ней провожающие и замыкал шествие духовой оркестр. И вот эта процессия через весь город двигалась на кладбище. Оркестр две трети квартала играл, треть отдыхал.

После смерти отца я долгое время находился в подавленном состоянии, в каком-то смятении, в душевных метаниях, и все чаще обращался в своих

*Похороны отца — Рубцова Василия Ивановича (1909—1958), преподавателя лесотехнического техникума. Похоронная процессия движется по ул. Островского в сторону Вознесенского кладбища.
г. Благовещенск, 30 января 1958 г.*

мыслях к несовершенству мира, к размышлениям о жизни и — смерти. Правда, все эти метания и сомнения к религии, к вере в бога меня не привели. Я как был атеистом, так и остался им.

А вот бабушка моя была верующей и ежегодно приезжала из Архары в Благовещенск перед Пасхой, чтобы принять участие в церковных мероприятиях. Да и мама, хоть в церковь не ходила, не была атеистом. А я все время задавался вопросом: почему, если смерть — неизбежность и это все знают, и, если смерть — итог жизни, почему она воспринимается как страшное горе? Какая разница — думал я — между тем, что человек умер (и я его не увижу никогда), и тем, что человек навсегда куда-то уехал

*Похороны отца — Рубцова Василия Ивановича (1909—1958), преподавателя лесотехнического техникума. Похоронная процессия движется по ул. Островского в сторону Вознесенского кладбища.
г. Благовещенск, 30 января 1958 г.*

(и я его тоже никогда не увижу)? Получается, что для меня в этом случае нет разницы умер он или уехал. И вот так я подолгу сидел у могилы отца, куда я часто приходил, сидел в одиночестве и не находил ответов на мучившие меня вопросы. Именно тогда я начал поступать согласно армянской поговорке: «Когда слишком радуешься — пойди на кладбище; когда слишком горюешь — иди туда же».

Подобные размышления сопровождают меня всю жизнь. Я много читал, и когда в книгах попадались рассуждения на эту тему, я их соотносил со своими мыслями. Но цельная картина не складывалась. Более того, чем больше различных теорий я познавал, тем больше обнаруживал в них противоречий. Даже Библия, Коран и много другой религиозной литературы, ничего кроме сомнений, в сердце моем не оставили.

Один мудрый человек сказал: «Времяечно, а мы проходим». И вот уже почти никого из моих друзей-приятелей-ровесников с нашего квартала не осталось в живых. В том числе тех, с кем ходил в один класс (Валера Кравченко), с кем играл в одной футбольной команде (Леша Щербинин), с кем был закадычно дружен (Федя Аскалов). Эх, на всех уже и места не хватит...

В 2017 году меня готовили к операции (тромб) под общим наркозом. И на вопрос жены: а выйду ли я из наркоза, медсестра философски ответила,

мол, захочет жить — выйдет. А я сразу вострепнулся: если не выйду, то узнаю, что такое смерть, и буду точно знать, как оно там, уже за той чертой, за тем порогом...

Но не сложилось. Живу.

И что такое смерть, так, слава богу, и не познал. Но в очередной раз убедился в том, что жизнь — это человеческие взаимоотношения. Иногда в них возникают недоразумения, охлаждения. Да, случается... К сожалению. И все же необходимо стараться не допускать этого, дорожить ими. Чтоб не жалеть о том, что не сказал доброго слова тому, кому хотел сказать, да отложил на потом. А «потом», как известно, никогда не бывает!

Ибо человек смертен и порой внезапно.

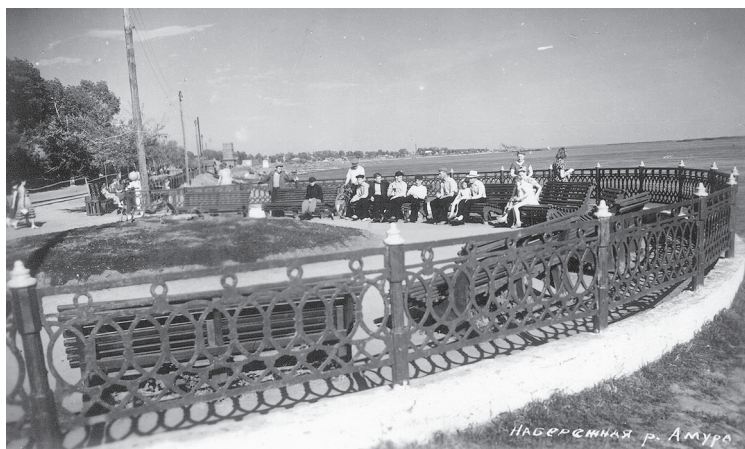
Неподведенные итоги

Заканчивая свои записки, хочу обратиться к стихам Александра Вертинского, близким к нашей теме:

*Я хожу по родному городу,
Как по кладбищу юных лет.
Каждый камень я помню смолodu,
Каждый куст выросал при мне.
Здесь тогда торговали мороженым,
А налево была каланча...
Пожалей меня, Господи Боже мой—
Догорает моя свеча.*

Может, я и рановато о свече, но о том, что жизнь не бесконечна, в моем возрасте осознаешь более явственно, нежели в молодые годы. Было бы глупо и неправильно думать об этом все время. Но оставить после себя записки о том, как выглядел наш Благовещенск, как он жил, чем он дышал, чем запомнился людям моего поколения, как воспитывал нас, как нас ковал — об этом, мне кажется, будет интересно узнать и сегодняшним подросткам, и тем, кого сегодняшними будут называть через десятки лет.

Прошло много лет, но я часто не просто вспоминаю старый Благовещенск, я его вижу! Причем, вижу и те детали, те приметы времени, что уже

*Набережная реки Амур (ул. Краснофлотская напротив ул. Шевченко).
г. Благовещенск, 1969 г.*

давно исчезли, и о которых не всегда вспомнят даже старожилы.

Когда я говорю, что на некоторых перекрестках стояли вкопанные в землю бетонные колпаки с амбразурами, глядящими вдоль улиц (понятно, наследие войны — так называемые дзоты — то есть, деревоземляная огневая точка), даже у моих сверстников на лице появляется озадаченность. Вот и у нас на углу Пионерской и Северной стоял такой дзот. Потом их, конечно, убрали. Но один остался — на кладбище, что на Северной.

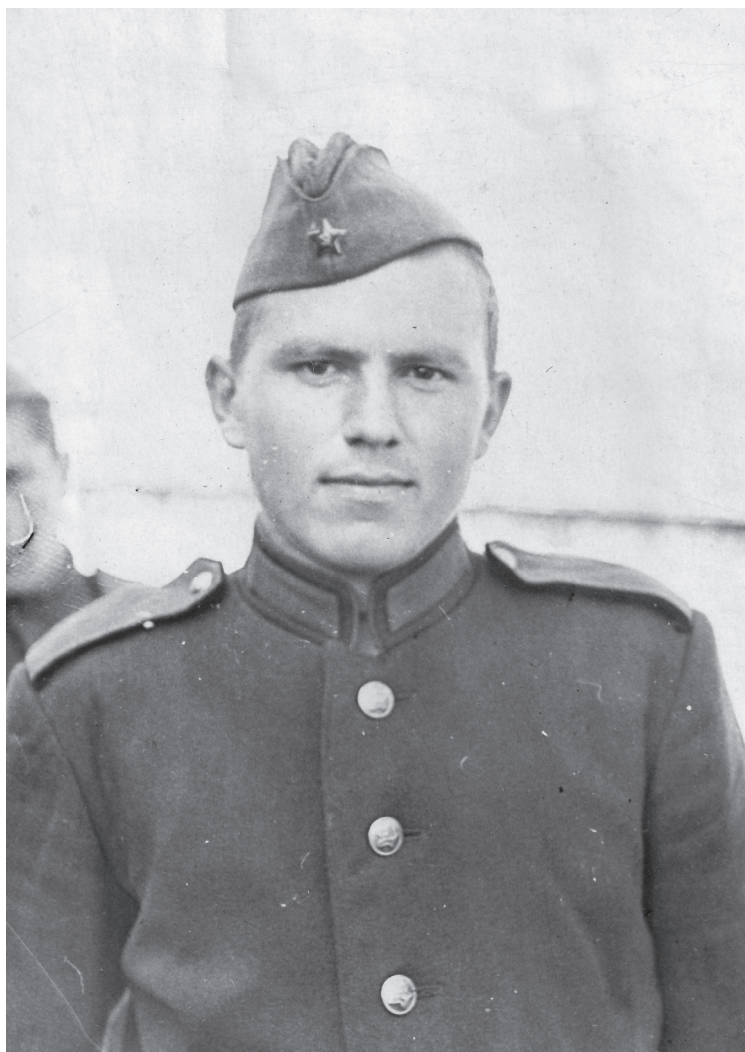
Гуляя по набережной, трудно себе представить, что в те годы на этом месте располагались лесопилка, пристань, хлебозавод, и почти до самого парка тянулась железная дорога.

Многое ушло из памяти. Порой я и сам недоумеваю, когда мне кто-то пытается напомнить о том, что я напрочь забыл. Вот и лица приятелей, соседей не все всплывают перед глазами... А ведь были закадычными друзьями!

По-разному сложились наши жизни... Вот, например, Юрка Никитин... Парень лидерствовал и на квартале, и в школе. Поступал на юрфак в Хабаровске. Не хватило баллов и отсутствовал производственный стаж. Пошел зарабатывать стаж кочегаром в котельную. Да так кочегаром на долгое время и остался. Потом, правда, стал мастером на участке, но это уже потом. А ведь ему и учителя, и взрослые соседи, знавшие их семью, предрекали совсем иное будущее...

А то вот Валера Утоплов. Вроде бы ничем и не выделялся, был самым обычным «нашенским» мальчишкой — в меру задиристым, в меру хулиганистым, — повторяю: таким, как все. Поступил в ДВОКУ, но после серьезной травмы из училища ушел. Поступил в Томский политехнический институт и блестяще его закончил. И еще более блестяще реализовал себя в производственной деятельности, долгое время возглавляя амурскую связь.

Были среди нас и те, кто спился, кто очутился в лагерях совсем не пионерских, кто ушел из жизни молодым. Но в абсолютном своем большинстве

*Рубцов Анатолий в первые дни службы в рядах Советской Армии.
Хабаровский край, июнь 1964 г.*

мои товарищи стали достойными гражданами, почти все отслужили в армии и добросовестно работали на производстве.

Сам я в детстве мечтал стать морским офицером и даже планировал для начала поступить в речное училище. Потом увлекся футболом и видел себя профессиональным футболистом и затем тренером. Поварившись в спортивной кухне, сделал для себя вывод, что у меня другая стезя. Но какая? Долгие размышления и сомнения привели меня к решению поступить в Дальневосточный государственный университет на журналистику. Я зачитывался спортивными изданиями и полагал, что, став журналистом, буду ездить на Олимпийские игры и чемпионаты мира и делать оттуда репортажи.

— Как бы не так! — отрезвил эти помыслы мой сослуживец Юра Файвушович. В армию он попал после третьего курса факультета журналистики Ростовского университета. При этом служить не просился сам, поскольку, будучи человеком практического ума, имел вполне корыстный расчет: вступить в КПСС. Членство в партии давало преимущества в карьерном росте, а евреев, да еще и с высшим образованием, в ряды КПСС старались не принимать. Но это на гражданке. И кто-то добрый подсказал ему, что в армии с вступлением проблем нет. И после прохождения кандидатского стажа Юра стал полноправным членом КПСС.

Вот этот парень, уже немного знакомый со спецификой работы журналистом, и поведал мне о всяческих трудностях, о том, что на Олимпиады попадает далеко не каждый, кто хорошо разбирается в спорте, что придется пахать в районной газете сразу за пятерых (потому что там вечная нехватка кадров), мотаться по полям и освещать ход посевных и уборочных работ, разбираться во всевозможных жалобах и кляузах, и получать за все это копейки. Тем самым многоопытный со-служивец охладил мой порыв, и я просто отдался воле обстоятельств, следуя словам писателя Виктора Гюго: «С судьбою не ведут предварительных переговоров».

Но для себя раз и навсегда решил: кем бы ни пришлось работать — работай с полной отдачей. Но если работа не по тебе — уходи. Пробуй другую. Я начинал понимать, что жизнь — это езда по гребенке. Хорошее начало — это хорошо. Но это не значит, что и окончание будет хорошим. Каждый день — это загадка, которую надо разгадывать.

Известно, что человек проживает несколько жизней и нередко бывает, что эти жизни у человека радикально отличаются одна от другой. Детство — это отдельная самостоятельная жизнь. Я не знаю научного обоснования критериев счастливого детства, но у меня нет претензий к своему. Мы

были счастливы в общении с родителями, друзьями, да и всеми вокруг. Главное, что мы были. Мы были и оставили свои следы в разных формах. Время их быстро заносит песком забвения.

Но раз мы были — для мироздания это должно иметь какой-то смысл. Мы были...

Послесловие

Сентиментальное путешествие по закоулкам памяти

Светлые мысли рождают мемуарные заметки Анатолия Васильевича Рубцова. Они, эти заметки, которые я только что перелистал, пронизаны грустью по давно ушедшему детству, по промелькнувшей юности, но нет в этой грусти пустой слезливости и пусто-порожних сентенций, вот, мол, раньше было хорошо, а сейчас...

Нет! Заметки А. В. Рубцова — это дань памяти счастливым (пусть совсем не легким, но действительно счастливым!) годам детства (когда одних только дворовых игр мальчишки и девчонки знали не меньше двух десятков! Когда за счастье было хотя бы пару раз пнуть по резиновому мячу — о настоящих футбольных тогда и мечтать-то не приходилось!).

Это своеобразная благодарность учителям, не дававшим свернуть с пути истинного, преподававшим помимо прочих наук — науку главную: правильно жить...

Это ностальгическая попытка окунуться в прежний мир, где нужно было занимать очередь за редкой книжкой, где невозможно было попасть в кино про Тарзана, не отстояв несколько часов в большой толпе таких же жаждущих попасть на сеанс...

Это — низкий поклон родителям, определившим жизненную стезю...

И это — по большому счету — попытка разобраться в самом себе, в своем становлении на фоне послевоенного исторического периода страны.

Читая (вот совсем не хочется упоминать слово «Воспоминания»! Правильнее написать: «Путеводитель по прошлому»!) А.В. Рубцова, невольно и сам будто снова перелистываешь фантаста Беляева, или пересматриваешь «Человека -амфибию», или бежишь босоногим вслед за тележкой старьевщика, в надежде получить копеечную глиняную свистульку...

И будто сам по-новому открываешь мир!

Добром веет с каждой страницы этой рукописи, с каждой ее строчки. Написанная просто, ясно, а главное — искренне, она доверительно, без какого-либо менторства повествует о главном: о любви к малой родине, к Благовещенску.

Воспоминания Анатолия Васильевича Рубцова, безусловно, являются документом, своеобразной рукописной фотографией жизни г. Благовещенска 50—60-х годов и будут интересны еще многим поколениям амурчан (да и не только амурчан!).

*Павел Савинкин,
журналист*

Содержание

Размышления ворчуна.....	3
Наши дворовые игры.....	6
Вихри футбольных атак.....	18
В городском саду... ..	26
Кино нашего детства.....	31
Об окнах в мир	37
Праздники моего детства.....	43
Школьные годы чудесные	65
На пути к профессии.....	84
В ритме города.....	100
Как мы жили — не тужили.....	107
Сколько бы ни стоило, лишь бы не дорого	118
В провинции и дождь развлечение.....	125
Грустные страницы Книги бытия.....	144
Неподведенные итоги.....	152
Сентиментальное путешествие по закоулкам памяти	160

Документально-художественное издание.

Анатолий Рубцов
«Я хожу по родному городу...»

Редактор Павел Савинкин
Ответственный за выпуск Наталья Кульпанович
Дизайн обложки Екатерина Копылова
Верстка Виктор Долгов

Подписано в печать 26.07.2022
Формат 84×108/32. Усл.печ.л. 8,61.
Тираж 100 шт.

ООО «Платина»,
Амурская область, г. Благовещенск,
ул. Северная, 163
www.platinadv.ru